

Салим Джаббаров

**ГЕТЕ и его
“Западно-восточный диван”**

УДК _____

Исследование посвящено анализу поэтического мира “Западно–восточного дивана” Гете, а также истории изучения творчества Гете в узбекском литературоведении.

В монографии рассматриваются некоторые проблемы переводов «ЗВД» на узбекский язык.

Ответственный редактор Лауреат Государственной премии Республики Узбекистан, доктор филологических наук, профессор Ш.С. Сирожиддинов

Рецензенты кандидат филологических наук,
доцент К.Мустаев
кандидат филологических наук
Х.А.Маматкулова
ст. пр-ль А.К.Эшкабилов

Монография рекомендована к печати учебно-методическим Советом СамГИИЯ (Протокол №1 от 26 августа 2013 года)

ISBN 978-9943-43 _____

© Самаркандский государственный институт
иностраных языков, 2015

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение.....	3
Глава 1. ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР В “ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОМ ДИВАНЕ” ГЕТЕ	15
Глава 2. ГЕТЕ В УЗБЕКИСТАНЕ.	
2.1. Изучение творчества Гете в узбекском литературоведении	59
2.2. Некоторые проблемы перевода “ЗВД” Гете на узбекский язык.....	75
Заключение.....	103
Список использованной литературы	113

ВВЕДЕНИЕ

История развития человеческого общества не знает примеров абсолютно изолированного культурного (следовательно, и литературного) прогресса, без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между его отдельными представителями (35:20).

Поскольку в наше время расширяются международные контакты во всех сферах общественной жизни, укрепляются взаимосвязи литератур народов мира, исследование проблемы взаимодействия литератур различных народов оказалось тесно связанным с актуальнейшими вопросами современности. Изучение этой проблемы стало не только научной, но и практической задачей. Ни одна национальная литература не может развиваться без живого и творческого взаимодействия с литературами других народов.

Взаимовлияние и взаимопроникновение литератур – исторически обусловленные творческие связи между национальными литературами, в процессе которых не только возникают художественно-эстетические ценности, но и рождаются новые литературные традиции, появляется единство в поэтическом восприятии мира.

Взаимовлияние и взаимопроникновение национальных литератур исторически обусловлены тем, что процесс их взаимного обогащения возможен только в тот период, когда вступающие во взаимосвязь литературы имеют материал для взаимного обмена.

Одна из форм взаимообогащения и взаимосвязи – литературно-художественный перевод, благодаря ему, литература того или иного народа выходит на международную арену, становится частью мировой литературы.

Перевод не только обогащает искусство другого народа, но и выполняет важнейшую функцию интернационального общения и сближения народов Востока и Запада. Художественный перевод таким образом, выступает в качестве

стимулятора развития движения мировой культуры и мировой литературы.

Так, например, благодаря переводу восточная литература, прославившаяся разнообразием форм и жанров, наполненностью высокими чувствами, в течение многих веков давала духовный импульс многим народам мира.

Неоценимый вклад в литературу внесли поэты Востока. Имена Фирдоуси, Омара Хайяма, Саади, Хафиза, Низами, Джамии, Навои стоят в одном ряду с именами Гомера, Данте, Петрарки, Шекспира, Гете, Пушкина и других великих поэтов. Они оказывали влияние на творчество как восточных, так и западноевропейских поэтов и писателей.

В области литературы “проникновение” одной литературы в другую закономерно, как это убедительно показано в трудах В.Жирмунского (36,37), В.Бартольда (7,8), Н.Н.Конрада (48,49), И.С.Брагинского (10-15), Н.И.Балашова (6), Д.Дюришина (35) и многих других. О взаимовлиянии и взаимопроникновении литератур Запада и Востока в Узбекистане проведено немало исследований, в том числе Г.Т.Саямовым, Н.Камиловым (74,75,77), Ф.Сулеймановой (82), М.Н.Холбековым (92,93), К.Таджиевым (83), У.Нурматовым (59), М.Бакаевой (5), Пашали Усман Оглы (63), Р.Абдуллаевой (1) и др. В них научно обосновано и доказано влияние западных поэтов на творчество восточных. Особо хотелось бы отметить труды известного словацкого ученого Диониза Дюришина. Выдвинутая им теория связана с межлитературной общностью особого типа. В систематике Дюришина нашло принципиально новое осмысление явление художественного иноязычия, характерное для полилитературных общностей, таких как многонациональные литературы, которые определяются категориями би – или полилитературности, а также двойной и более литературной принадлежностью. Эти категории, как и категория художественного перевода, отражают наиболее яркие проявления литературного взаимодействия (35.2).

Так, известный литературовед Г.Т.Саямов (78), исследуя традиции Шекспира в узбекской литературе, анализирует их в творчестве М.Шейхзаде. Особое внимание обращено на

национальные литературные взаимосвязи, открывающие благоприятные возможности для художественного перевода.

Появление новых переводов Шекспира позволило Г.Т.Салямому осветить новый аспект проблемы литературного влияния - художественный перевод; опыт узбекских переводчиков – богатый материал применительно к узбекской историко-культурной среде. Рассмотрено влияние Шекспира на творчество узбекских мастеров художественного слова, в том числе М.Шейхзаде. На достаточно обширном материале узбекских переводов Шекспира показано слияние литературных традиции Запада и Востока. В частности, это привело к созданию трагедии М.Шейхзаде “Мирза Улуғбек”.

М.Бакаева (5) определила сложный многоступенчатый характер литературного влияния, которое выразилось в следующей цепочке: Фирдоуси, Саади, Хафиз – Байрон, А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов – Айбек, Хамид Алимджан, Усман Насыр, Максуд Шейхзаде, Хамид Гулям. Р.Абдуллаева (1) рассматривала проблему влияния Шиллера на творчество узбекских драматургов, в частности - на творчество Т.Тулы. Он написал трагедию “Надирабегим” после того, как стал переводить трагедию Ф.Шиллера “Мария Стюарт”. Э.Вахидов под влиянием “Фауста” Гете создал сборник “Тирик сайёралар” (“Живые планеты”). Под впечатлением Данте у А.Арипова появилась поэма “Дорога в рай”. Подобных примеров можно привести очень много.

Таким образом, взаимосвязи и взаимовлияние национальных литератур, как это убедительно доказано в исследованиях узбекских ученых, обоснованы и закономерны.

В освещении проблем взаимовлияния литератур Востока и Запада большое значение имеет “Западно – восточный диван” (ЗВД), в котором, Гете гениально синтезировал две культуры и два мира.

Аналізу “ЗВД” Гете посвящено много монографий и научных статей наших и зарубежных авторов: И.С. Брагинский, “Западно – восточный синтез в “Диване” Гете” (10), К.О.Конради, “Гете. Жизнь и творчество” и т. д. (48), А.Михайлов, “Диван” Гете: смысл и форма, А.Михайлов, “Поэзия Востока” (33), А.Кессель,(43) Гете и “Западно-

восточный диван” (43), А.Коган, “Восточные мотивы в “Западно-восточном диване” Гете (44), Г.Т.Саямов, “Хофиз ва Гете” (77), А.Аллаберганов, “Гете ва шарқ адабиёти” (60), Пошали Усман Оғлы, “Гёте ва таржима адабиёти” (63), С.Салимов, “Мағриблик Ҳотаму Зулойхо” (72). Особая роль в исследовании “ЗВД” Гете принадлежит немецким гетеведам.

В 1834 году, спустя два года после смерти великого Гете, Х. Вурм провел интересное исследование “ЗВД” Гете и определил некоторые источники, из которых поэт черпал образы и сюжеты. Эта тема – определение источников для творения Гете – изучена также И.Бюргелем (109), Х.А. Корфом (124), И.Г. Хаманном (119), М. Момзен (126), К. Момзен (126-129), К.Бурдахом (108), Х. И. Зольбрихом (133). Интерес к изучению “ЗВД” Гете проявлялся не только у германистов, но и у востоковедов, в частности, Х.Х.Шедер (132), В. Ленц (125) обращались к изучению “Дивана” Гете. Следует отметить весьма ценное исследование К. Момзен (126-128). Ею дано научное обоснование того, что Гете воспользовался восточными источниками не только при написании “ЗВД”, но и других произведений, например, второй части “Фауста” и др.

Весьма значительной вехой на пути изучения творчества Гете и его “ЗВД” стала работа И.Брагинского “Западно - восточный синтез в “Диване” Гете”, который основное внимание уделил проблематике “ЗВД”, восточным мотивам, своеобразию лирического героя в книге Гете и т. д. Известный литературовед приходит к важному выводу: Гете сумел “органически слить воедино передовые идеи Запада своего времени и “Седого Востока”, сплавить формальные художественные особенности и восточной, и западной поэтики, создать глубоко гуманистический западно-восточный синтез” (10).

Монография Л.Кесселя “Гете и “Западно-восточный диван” (43) расширяет и углубляет мысль И.Брагинского о наличии “Западно-восточного синтеза” в “Диване” Гете, выявляет “специфику как восточной, так и западной образности”. В его работе прослежены и выявлены многообразные внутренние связи между книгами “Дивана”, выделена общая идея всего произведения; особое внимание

уделено “Книге Хафиза”, “Книге Зулейки”; представляет интерес анализ и интерпретация стихотворений Гете из книги “ЗВД”.

В ходе многолетнего изучения “Дивана” достигнуты существенные результаты. Наиболее глубокое проникновение в художественный мир великого немецкого поэта, на наш взгляд, продемонстрировал поэт-переводчик и литературовед А.Михайлов, перу которого принадлежит ряд статей (33). В отличие от своих предшественников, которые обращали внимание, прежде всего на идейно-художественное своеобразие “Дивана” Гете, которые нередко “скользили лишь по поверхности текста, не заметив более скрытых слоев, богатства, всей многомерности созданного”. А.Михайлов ставит перед собой весьма трудную задачу, которую успешно решает, - уловить за “безыскусной простотой” “Дивана” “смысловые глубины”, раскрыть символический и философский смысл стихотворений Гете.

А.Михайлов пишет: “Слово – как верв”: целое как таковое невыразимо, “непостижимо” для отдельного человека – оно постижимо в символе, в отражении и в “соотражениях” отражений, в целой системе выражения, в качестве создания, оно зримо сквозь, не в контурах своих очертаний (33:612). Ученый не только раскрывает смысл гетевского “Дивана”, но и своеобразие его художественной формы. Думается, прав А. Михайлов, который утверждает, что основным принципом композиции “ЗВД” становится “пространственная рядоположность”, т. е. произведения превращаются в циклы и сюжеты, появляется композиционный стиль бессвязности...” (110), когда произведение строится “по законам музыки”. Раскрывая внутреннюю форму, Михайлов, приходит к выводу, что Гете в “Западно-восточном диване” выступает поэтом – новатором обновившим художественную форму. На формирование нового стиля, выработки новых поэтических форм огромное воздействие оказала восточная поэзия. Книга “ЗВД” Гете обогащается высокими образцами арабской и персидской поэзии, - справедливо считает А.Михайлов занимает общую страницу в гетеведении проблема осмысления, восприятия, где в России перу видного ученого В.Жирмунского

принадлежит монография “Гете в русской литературе”, в которой прослеживается история знакомства русского читателя с поэзией Гете, где представлены критические отклики на творчество Гете в России и т.д. Знаток немецкой литературы и творчества Гете, В.Жирмунский в своей книге писал о восприятии “Дивана”: “В середине 20-х годов большой интерес вызывают восточные стихи Гете, собранные в “ЗВД”, последней литературной новинке, связанной в эти годы с именем Гете. Успех “Дивана” у русских переводчиков становится понятным на фоне увлечения романтическим ориентализмом Байрона, Томаса Мура, многочисленных переводов “с арабского” (из Корана), с персидского” и др., появившихся в журналах и альманахах этих годов” (37:100).

Первым из русских поэтов, ознакомившим читателей с прозаической частью “ЗВД”, как отмечает В.Жирмунский, был В.Кюхельбекер. Он был знаком с Гете. “ЗВД” был закончен незадолго до встречи Кюхельбекера с Гете. В то время Кюхельбекер с большим интересом изучал восточную литературу, поэтому “ЗВД” Гете произвел сильное впечатление на Кюхельбекера, “определил его глубокий интерес к литературе Ближнего Востока, и в особенности Азербайджана” (65:145).

В институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург) хранится тетрадь Кюхельбекера, представляющая особый конспект исторических и историко-литературных комментариев Гете к “ЗВД”. Тетрадь содержит работы 1825 г. Конспект озаглавлен “West - östlicher Divan” и содержит краткие выписки исторических сведений об арабской и персидской поэзии (36:100).

Первым русским переводчиком поэтической части “ЗВД” Гете был М.А.Дмитриев. Уже в 1820 г. Он опубликовал в журнале “Вестник Европы” два стихотворения “Книги Зулейки”. В 1821 г. к ним прибавилось заключительное стихотворение из “Книги Зулейки”:

“В каких бы видах от взоров ни таилась,

О друг души моей! Я узнаю тебя”.

Все три стихотворения оказались трудными для перевода, но переводчик справился с этими трудностями. Вот что

отмечает А.В.Михайлов: "... удача переводчика была победой наивной силы, не успевшей осознать всю непомерность своей задачи. В.А. Дмитриеву удалось сочетать полнейшую естественность выражения с неуловимой характерностью гетевского тона" (33:894).

После появления переводов М.А.Дмитриева возрос интерес к "ЗВД" Гете. Многие поэты и переводчики, например, А.А.Бестужев-Марлинский, Ф.И.Тютчев, Е.Л. Милькеев, Ф.Е. Миллер, А.Н.Стурговщиков, А.А. Фет и другие, обратились к циклу "ЗВД" Гете, но полного перевода до 1932 г. не появилось. Полный перевод поэтической части "ЗВД" был сделан только в 1932 г. Эту задачу выполнили С.В. Шервинский и М.А. Кузьмин. "Этот перевод, - пишет А.В. Михайлов, - был несомненным достижением при известных несовершенствах" (33:702) . Появилось полное издание "ЗВД" Гете (33). Его подготовили И.С.Брагинский и А.В.Михайлов. Поэтическую часть "ЗВД" полностью перевел знаменитый поэт-переводчик, представитель современной переводческой школы В.В.Левик. Изучив предыдущие переводы "ЗВД", он решил включить в текст некоторые поэтические переводы других специалистов, так как они были выполнены блестяще. В данное издание он включил "Блаженное томление" в переводе Н.Н. Вильмонта, "В тысяче форм ты можешь притаиться" в переводе С.В.Шервинского, четыре стихотворения в переводе А.Михайлова и пять в переводе В.Вебера.

Как известно, ценность "ЗВД" для ориенталистов, переводчиков и читателей определяется также замечательными комментариями Гете к своему произведению. Не изучив эти примечания, трудно понять поэтическую часть "ЗВД".

Мы могли ознакомиться с комментариями Гете только в извлечениях переводчика Л.М.Кесселя (24:186, 187). В новом издании дан полный текст комментариев Гете в блестящих переводах А.В.Михайлова (33). Данное издание состоит из четырех частей: а) "ЗВД" в переводе В.В.Левика, б) статьи и примечания "ЗВД" в переводе А.В. Михайлова, в) дополнения к "ЗВД", д) приложения, где дан список сокращений, и помещена статья И.С.Брагинского "Западно-восточный синтез в "Диване Гете", статьи А.В.Михайлова "Западно-восточный диван" Гете.

”Смысл и форма” и “Поэзии ”Западно – восточного дивана” в русских переводах”.

Статья А.Михайлова “Поэзия “Западно-восточного дивана” в русских переводах” – продолжение разговора, начатого Жирмунским, дает представление о русских переводах “Дивана” и критической литературы о нем.

Дополнения к “ЗВД” состоят тоже из четырех разделов. В них включены дополнительные стихотворения “ЗВД” в переводах В.В.Левика, С.В.Шервинского, В. Вебера и А.Михайлова, а также большая статья Гете “Из восточных бумаг”, рецензии на “ЗВД” И.Г.Козегартена в переводе А.В.Михайлова.

В последнем разделе “Стихотворения “ЗВД” в переводах русских поэтов” представлены характерные переводы 20-40-х годов XIX в., причем они даются по первым публикациям, с соблюдением особенностей орфографии и пунктуации того времени. Последнее можно считать полным, поэтому оно представляет большой научно- практический интерес для ориенталистов, переводчиков и читателей.

Как мы могли убедиться из беглого обзора критической литературы о Гете, многие проблемы, связанные с “ЗВД” были достаточно глубоко освещены в гетеведении, но отнюдь не все вопросы получили исчерпывающую характеристику.

Интерес к Гете, к его “Дивану” огромен не только на Западе, не только в России, но и на Востоке, в Средней Азии.Здесь приобретает новый интерес, “тип, формы и характер усвоения и переработки немецкой культуры (во всем ее богатстве и разнообразии),” культурой не только русской, но и узбекской. В связи с этим представляется весьма актуальной тема “Гете в Узбекистане”, связанная с внедрением поэзии Гете и его “Дивана” в Узбекистане.

В настоящей монографии предпринята попытка, опираясь на достижения современных гетеведов, дать целостный анализ “Западно – восточного дивана” Гете, дать представление о своеобразии поэтического мира “Диване”;

В работе впервые особое внимание уделено роли лейтмотивов в структуре книги Гете “ЗВД”, разворачиванию и

обогащению мотивов, которые получают у немецкого поэта глубокое философское осмысление.

В монографии предпринята попытка, во-первых, обобщить богатый исследовательский материал, посвященный “Дивану” Гете, в именно:

охарактеризовать историю создания “ЗВД” Гете;

рассмотреть структуру “ЗВД”, восточных источников, выявить своеобразие западно-восточного синтеза в гетевском “Диване”;

дать представление о поэтическом мире “ЗВД”;

определить роль “ЗВД” Гете в развитии литературных взаимосвязей Востока и Запада,

Во-вторых, в работе впервые предпринята попытка осветить следующие проблемы:

решить ряд вопросов, связанных с процессом усвоения и освоения Гете в Узбекистане;

обобщить и проанализировать критические работы узбекских литературоведов, посвященные творчеству Гете;

попынуться решить некоторые проблемы перевода Гете на узбекский язык.

В-третьих, автор монографии попытался сопоставить, сравнить оригинал с русским и узбекскими переводами на материале произведений, вошедших в книгу “ЗВД” Гете;

определить, кому из узбекских переводчиков удалось приблизить перевод к оригиналу;

сформулировать основные требования к художественным переводам и наметить наиболее целесообразные способы и принципы подхода к переводу классики;

выяснить, в какой степени узбекские переводы удовлетворяют эстетическим и художественным запросам сегодняшнего дня.

К постановке этих проблем автора монографии привело само развитие литературоведческой и переводческой мысли в Узбекистане. Кроме того, автор монографии убежден, что различные вопросы развития духовной культуры нашего народа должны разрабатываться общими усилиями ученых, литературоведов, писателей, поэтов и переводчиков. Поэтому закономерно стремление автора монографии усилить интерес к

поэзии Гете, к проблеме перевода его произведений на узбекский язык.

Пытаясь осветить эти проблемы, исследователь отдает себе отчет в сложности и трудности решения поставленной задачи.

Основные материалы, использованные в монографии, - поэтические произведения великого немецкого поэта Гете, его беседы с Эккерманом, его комментарий к “Дивану”, статьи Гете и др.

Методологической основой исследования явились труды видных теоретиков литературы, работы зарубежных и отечественных критиков, литературоведов о творчестве И.В. Гете.

Важное значение в ходе разработки проблематики монографии имели работы В. Бартольда (7,8,), А. Крымского (51,52), Н.И. Конрада (49-50), Д. Дюришина (35), В.М. Жирмунского (36-37), И.С. Брагинского (10-15), С. Тураева (85), М. Шагинян (96), И.П. Эккермана (101-103), Л.М. Кесселя (42), И.Хаммера (120), К. Бурма (136), И. Бюргеля (109), Х.А. Корффа (124), М. Момзен (126), К. Момзен (127-129), А.В. Федорова (87-89), Г.Р. Гачечиладзе (21-22), М. Шейхзаде (98), В. Захидова (38), И.Гафурова (26), Г.Т. Салямова (74-78), Н. Камилова (46-47), Ш. Каримова (41), Пашали Усман-Оглы (63-64), С. Салимова (71-73) и др., а также беседы и труды И.В. Гете

Исследование проведено на основе сравнительно-исторического метода; при интерпретации “Дивана” Гете применен метод системно-целостного анализа произведения.

В настоящей монографии впервые предпринята попытка осветить проблему “Гете в Узбекистане” на материале “ЗВД”, обобщены и проанализированы критические работы по Гете в узбекском литературоведении.

Автор монографии впервые осуществил сопоставленный анализ поэтических переводов “ЗВД” Гете: “оригинал + посредник + перевод” и “оригинал + перевод” на примере русских и узбекских переводов.

Опираясь на конкретные источники, автор монографии сделал первые шаги в рассмотрении до сих пор не изученной проблемы, связанной с освоением и интерпретацией “Дивана”

Гете в Узбекистане. Впервые сделана попытка выяснить, как обогатилась узбекская переводческая гетеана, как в творческом соревновании на наиболее адекватный перевод творения Гете – “ЗВД” приняли участие талантливые поэты – переводчики, представившие образцы своеобразной интерпретации “ЗВД” Гете. Автор монографии не только не стремился доказать, кому из узбекских переводчиков удалось наиболее адекватно приблизиться к оригиналу, но и выяснить недостатки, просчеты некоторых переводов “Дивана” Гете.

Автор монографии подвел некоторые итоги переводческой деятельности узбекских гетеведов и наметил перспективы в этом направлении, выражая надежду, что Гете в узбекских переводах прочно войдет в духовную жизнь народов Узбекистана.

Практическая ценность монографии состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении курсов по теории и практике перевода, при чтении курсов лекции и проведении практических занятий по немецкой литературе, востоковедению а также при дальнейшем изучении литературных взаимосвязей.

В заключении излагаются основные выводы и обобщения, сделанные в ходе исследования.

ГЛАВА 1. ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР “ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА” ГЕТЕ

Мир Востока постоянно притягивал, манил Гете, он был страстным почитателем литературы Востока.

Восток, как известно представлен у Гете пятью культурными регионами. Первый – библейский или иудейский мир, с которым он познакомился еще в детстве, интерес к которому он пронес через всю свою жизнь. Второй восточный регион – арабский Восток, о чем свидетельствует его статья “Арабы”, его вдумчивая характеристика “Муаллаката”. Третий регион – это Персия, которая особенно близка и дорога Гете. Четвертый культурный регион – Китай, и последний – Индия.

В “ЗВД” Гете представлены по существу два культурных региона – арабский Восток и Персия (хотя можно обнаружить и библейские мотивы в некоторых стихотворениях).

Один из исследователей “Дивана” Гете К.Бурдах (107) утверждал, что поэт тщательно изучил почти все труды ориенталистов, был знаком и со многими переводами восточных поэтов.

Для изучения характерных особенностей Востока Гете потратил немало времени. “Не будучи совсем незнаком с своеобразными чертами Востока, - писал в “Анналах” Гете, - я обратился к языку, поскольку то было неизбежно, чтобы дышать воздухом Востока, обратился даже и письму с его особенностями и упражнениями (33:447).

Знакомства с арабским Востоком и Персией состоялось задолго до того, как Гете приступил к созданию “ЗВД”. Как отметила К.Момзен (128), Гете с малых лет до старости перечитывал “1001 ночь”, черпал из этих сказок сюжеты для своих произведений. Привлекала Гете и фигура основоположника ислама Мухаммеда. Он изучил биографию Мухаммеда, написанную К.Е. Улснером (108), и даже решил написать трагедию “Мухаммед” после того, как перевел трагедию Вольтера, считая, что Вольтер охарактеризовал своего героя односторонне, слишком негативно. Работа над трагедией “Мухаммед” осталась незавершенной, сохранился лишь один

стих под названием “Mahomet's gesang ” (Монолог Мухаммеда).

Гете интересовал и Коран. Для создания трагедии “Мухаммед” он изучил все переводы Корана, в том числе на латинском, французском, английском и немецком языках. Он даже перевел 10 сур из Корана.

Драматург и критик Р. Лаубе писал, что Гете обратил свой взор на Восток “не ради туманных занятий. Он изучает такие состояния, которые приносили людям счастье, он хочет, чтобы и он сам, и его нация были причастны к такому счастью”. (33:675).

Гете стремился прикинуть к тому источнику, который питал творчество Фирдоуси, Саади, Хафиза, Алишера Навои, к их поэзии, понять иную культуру.

Большую роль в познании Востока Гете сыграл известный востоковед Фридрих фон Дитц. В “Мемуарах Азии” (112) он приводит весьма содержательные сведения о науке, литературе, искусстве, обычаях, религии и законах многих восточных народов. Ему принадлежит первый перевод “Угузнаме” – одного из староузбекских памятников. Кроме того, Гете изучал произведения английского востоковеда Джонса о поэзии арабов на латинском языке (123). Он очень хорошо знал “Гулистан” Саади в переводе Олеарий (131) и Гердера. Гете был лично знаком с востоковедами Лорсбахом, и Козегартеном и Дицем. Они помогали Гете своими советами, знаниями восточных литератур и языков. Под руководством И.Г. Козегартена он начал изучать арабский язык.

В 1814 г. случайно в его руки попал “Диван” Хафиза Ширази в немецком переводе. Это был перевод знаменитого ориенталиста Хаммера Пургштала.

Знакомство с творчеством Хафиза открыло перед Гете новые горизонты, новые мысли, абсолютно новый мир. По его словам, он нашел себе наконец собеседника, друга и незаменимого Устода-учителя. Поэтическое видение мира восточного поэта заворожало Гете. Лирика Хафиза поразила его своей духовностью и жизнерадостностью, точностью и глубиной в передаче чувств, настроений. Удивительные, проникновенные, хафизовские

строки стали толчком к творческим свершениям, к созданию лирического цикла “Книга Хафиза”, которая в последствии вошла в сборник “ЗВД” (1819). Обращаясь к Хафизу, Гете писал:

Und wenn dir kein Geheimnis blieb,
Was Herz und Welt enthalte,
Dem Denker winkst du treu und lieb,
Dass sich der Sinn entfalte.
Auch dass vom Throne Fürstenhort
Sich nicht für uns verliere,
Gibst du dem Schach ein gutes Wort
Und gibst es dem Vesire.
Das alles kennst und singst du heut
Und singst es morgen eben:
So trägt uns freundlich dein Geleit
Durchs rauhe milde Leben.
(117:212).

А ты – ты обнял все вокруг,
Что есть в душе и в мире,
Кивнув мыслительно, как друг,
Чья мысль и чувство шире.
Ты, чтоб везир иль шах от нас
Не утаили клада,
И перед троном в добрый час
Даешь совет что надо.
Рожденный все и знать, и петь,
На свадьбе ли, на тризне,
Веди нас до могилы впредь
По горькой, сладкой жизни.
(Перевод В. Левака, 33:28)

Лирика Хафиза заставила его по-новому взглянуть на жизнь; помогла Гете выработать совершенно иной стиль, новую поэтическую манеру.

“Если мы хотим принимать участие в творениях великолепнейших умов, так нам надо убедиться всему восточному, - сам-то Восток не придет к нам в гости” (2:84), - писал Гете.

Восток для великого немецкого поэта – это и конкретно историческая реальность, страна тысячелетней культуры. Восток – это езда в неизвестное и открытие для себя нового мира. Восток – это обогащение фантазии поэта и обновление художественного метода Гете.

Уже название книги Гете – “Западно-восточный диван” – подчеркивает ее общечеловеческое содержание, слияние, взаимопроникновение двух начал – западного и восточного, немецкой и арабско-персидской поэзии, образца “западно-восточного синтеза” (И. Брагинский).

Как известно, “диван” по-персидски означает “сборник”, “собрание”, “сборник песен” или “собрание сочинений”, а точнее, “диван” Гете - это не “Sammlung” (собрание стихотворений), а *Versammlung*, т. е. “диван” во всех его значениях, поскольку лишь через форму внешней “упаковки” текста можно было выразить так понятую “книжность” произведения, т. е. его форму существования в виде святой книги, сводящей в целое и все органическое, и все механическое внутри ее и представляющей все это как реальное целое” (А. Михайлов). “Диван” Гете – это “книга – представляющая “единство” разнородных и многожанровых текстов, “единства высшего порядка”. “Диван” у Гете – это огромный целостный организм, единый поэтический мир во всеохватности и всеобщности, который одновременно множится, дробится на мельчайшие частицы – микромиры, связанные с другими невидимыми незримыми нитями – смыслами.

Прав исследователь Гете А. Михайлов, который утверждает, что “ЗВД” – “трудная книга”. Первое впечатление об этой книге иное - все содержание лежит на поверхности. Необычайная простота и незамысловатость стихотворений “Диван” – впечатление обманчивое, несмотря на неисчерпаемые смысловые пласты. “Слово – как веер”, слова зеркала: действует система со-отражений, на всякое слово (высказывание, образа, символ мотив) – на каждое “место” в системе ложится

неуловимый отпечаток остальных, вид целого – это волшебный поэтический мир, в котором всякое слово, всякая мысль включаются в игру невесомых бликов, а между тем держат на себе целое мироздание, осмысленное и воссозданное художественно-политически и научно-философски” (Гете “Повторяющиеся отражения, 33:601).

Каждая часть связана с другими, и хотя они могут существовать отдельно, но смысловые скрепы настолько прочны, что, разъединив их, можно нарушить не просто последовательность, порядок, но исчезнет единство целого. Не случайно Гете в письме К. Цельтеру замечал: “...вновь просматривал “Диван”, нахожу вторую причину, почему не могу послать тебе ни одного стихотворения, она – в похвалу этому собранию. А именно, каждый отдельный его сочлен столь проникнут смыслом целого, столь проникновенно восточен, соотносится с нравами, обычаями, религией и должен вводиться предшествующим стихотворением, чтобы воздействовать на воображение или чувство”.

Через весь “Диван” проходят сквозные мотивы, лейтмотивы, которые являются “со-отражением” восточной поэзии, которые определяют характер и своеобразие гетевской книги, придают ей целостность, особую “внутреннюю форму, целое, раскрывающееся в огромный мир по содержанию и открытое по форме”.

Гете разъяснил сущность такого рода поэзии: “Эта магометанская религия, мифология, этика открывает простор поэзии, приличествующей моим годам. Безусловная покорность неисповедимой господней воле; беспечальный взгляд на неугомонную земную суету, неизменно повторяющийся по кругу или по спирали, любовь, взаимное влечение; и все это – словно бы между двумя мирами, где все реальное просветлено, растворяясь в символикe”. И далее замечает: “Наивысшая суть поэтического искусства Востока есть то, что мы, немцы, называем духом...(разрядка Гете – Д.С). Дух же по преимуществу – прерогатива старости или же стареющей мировой эпохи. У всех поэтов Востока находим мы некий общий взгляд на окружающий мир, иронию, свободную игру таланта”. (“Примечания”33:197).

“ЗВД” Гете пронизан духом восточной поэзии. Но, используя восточные темы и мотивы, Гете отнюдь не выступает эпигоном Хафиза, не подражает никому из восточных поэтов. Он создает оригинальные произведения, многообразные по форме и содержанию.

Для Гете важен сам процесс западно-восточного синтеза. “Гетевский синтез живет напряженностью между культурами, между культурными кругами, между Западом и Востоком.

Для него не существовало непроницаемой стены между Западом и Востоком. Если английский поэт Киплинг утверждал:

Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись! –
то Гете отвергая подобное утверждение, восклицал:
Если ты в сердцах знаток,
Эту мысль пойми ты.
Ныне Запад и Восток
Неразрывно слиты.
(Перевод С. Шервинского, 31:458)

В 1819 году Гете написал весьма интересное четверостишие, вошедшее в “Книги изречений”. В нем говорится о родственной связи Кальдерона с Хафизом, причем, чтобы понять Кальдерона, нужно изучить Хафиза:

Herrlich ist der Orient
Übers Mittelmeer gedrungen;
Nur wer Hafis liebt und kennt,
Weiss, was Calderon gesungen.

(117:244).

Восхитительный Восток
К Средиземью устремился,
В Кальдероне тот знаток,
Кто в Хафизе искусился.

(Перевод С.Шервинского, 31:391)

Связь Востока и Запада иносказательно разъясняет и следующие изречения в этой книге “ЗВД”

“Was schmückst du eine Hand denn nun

Weit mehr, als ihr gebührte?”

Was sollte den die linke tun,

Wenn sie die rechte nicht zierte?

(117:245).

Зачем у тебя рука одна

С такой золотой оправой?

Что ж делать левая должна,

Как не радеть о правой?

(Перевод Шервинского, 31:391).

Метафора заимствована Гете из “Гулистана” Саади. У Саади есть четверостишие, в котором Джемшид назван первым, кто украсил свою руку перстнями. На вопрос, почему он одарил лишь левую, Джемшид ответил: “Правой руке уже достаточно краск в том, что она правая”. В своем комментарии гетевскому “ЗВД” немецкий исследователь Г. Лепер разъясняет, что Гете решил использовать эти строки “Гулистана”, увидев в них отличную форму ответа тем, кто упрекал его в увлечении Востоком, в чрезмерном восславлении восточной классики. “Левая” рука означала восточную литературу, перед которой в долгу была “правая”, т. е. Западная литература, ибо она незаслуженно предала ее забвению” (43:30).

Гете идет на Восток не от слабости, а “от сознания того, что все доступно ему. Иные культуры для него – зеркала в системе всечеловеческого, они множат его смыслы и дают ему узнать себя в ином”, - тонко замечает А. Михайлов.

“ЗВД” – одно из лучших произведений Гете, оно стоит наравне с “Фаустом”. Включает 12 книг: “Моганнаме” (Книга певца), “Хафизнаме” (“Книга Хафиза”), “Ишкнаме” (“Книга любви”), “Тефекирнаме” (“Книга размышлений”), “Ренджнаме” (“Книга недовольства”), “Тимурнаме” (“Книга Тимура”), “Зулейканаме” (“Книга Зулейки”), “Сакинаме” (“Книга Кравчего”), “Хикметнаме” (“Книга изречений”),

“Маталнаме” (“Книга притч”), “Перснаме” (“Книга парса”), “Хулднаме” (“Книга рая”).

Первая книга, “Моганнинаме” открывается стихотворением “Хиджра” – своеобразным прологом, в котором звучат многие мотивы пронизывающие не только первую книгу, но проходящие через весь “Диван” Гете.

“Хиджра” – это название поспешного переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, где он нашел убежище от преследовавших его противников в 622 году н. э., с которого и берет начало новое мусульманское летоисчисление. Название стихотворения приобретает символический смысл, указывает на аллегорическое “бегство” поэта на Восток, знаменующее начало новой жизни для Гете.

С первого же стиха Гете дает авторский комментарий замысла: я обращаюсь в бегство, как когда-то; ныне, на склоне лет моих, я бегу в древний, первоначальный мир Востока, на родину юности рода человеческого, чтобы стать молодым, начать новую плодотворную полосу жизни, и я приглашаю Вас следовать за мной.

Стихотворение “Хиджра” как бы приоткрывает завесу, за которой скрывался незнакомый читателю мир Востока, где царит атмосфера праздничности, веселья и песни, яркие краски и звуки. В этом мире властвует несколько стихий: любовь к жизни, любовь к “женщине”, любовь к поэзии, поэтическому слову, любовь к Хафизу. Он укажет ему путь на Восток, поможет приобщиться к вечности.

Wolltet ihr ihm dies beneiden
Oder etwa gar verleiden;
Wisset nur, dass Dichterworte
Um des Paradieses Pforte
Immer leise klopfend schweben
Sich erbittend ewi ges Leben.
(117:194).

Прочь, завистник, прочь, хулитель,
Что здесь певца обитель,
Что это песнь живая
Возлежит к преддверьям рая,
Там тихонько постучится

И к бессмертью приобщится.
(Перевод В. Левака, 33:6)

“Книга певца” насыщена восточными элементами, восточными атрибутами: возникает “сердоликий талисман”, “амулет”, “турбан”, “булат, который тверже стали”, “шатер и шумный пир цветет коврами на свадьбе у султана”... Но это чисто внешние восточные атрибуты, бросающиеся в глаза, поражающие пестротой, экзотикой картины, они лишь “веер”, за которым скрывается иное, более глубинное, внутреннее содержание. Несмотря на внешнюю незатейливость стихотворного рисунка, кажущуюся простоту стихотворения “Благоподатели”, в котором воссоздается восточный колорит, восточный орнамент, оно иносказательно по смыслу.

Гете пишет о талисманах, амулетах, которые широко распространены на Востоке. Женщины и мужчины носят их, “веря в их чары”, в то, что они изгоняют злых духов, защищают их. Слова “талисман”, “амулет”, “надпись”, “абракс”, “кольцо с печатью” у Гете выделены, даны курсивом, тем самым подчеркивается важность этих слов для понимания смысла поэтического произведения. Подобно тому, как на Востоке в амулетах спрятана бумага с магическими словами или числами, в стихотворения, содержащиеся в “Диване”, Гете “вложил тайный, высший смысл”. Слова приобретают у поэта особую весомость, многозначность, скрытый, иносказательный смысл, который и предстоит разгадать, расшифровать читателю “Дивана”.

Истинное содержание, суть гетевского стихотворения “Благоподатели” раскрывается в последнем четверостишии:

Ein Siegelring ist schwer zu zeichnen,
Den höchsten Sinn im engsten Raum;
Doch weißt du hier ein Echtes anzueignen,
Gegraben steht das Wort, du denkst es kaum.
(117:195).

Трудись же! Скуй кольцо с печатью,
И высший смысл в нее вложи;
Хоть перстень мал,
Ты заручился благодатью.

Ты слово врезал в твердь
И властвовать им стал.
(Перевод В. Левака, 33:7).

Слова, по мысли Гете, содержат в себе тайну, символику.

И.С. Брагинский писал, что Гете усвоил язык намека, иносказания, который был присущ восточным поэтам и прежде всего поэзии Хафиза. “В поэзии Востока воцарились пафос намека, (курсив И.С. Брагинского – Д.С.), игра иносказаниями и аллегориями, двусмысленность полутонов и светотени, сбивающие с толку комментаторов, порождающие множество споров вокруг каждого бейта и стихотворения. Это сложнее ребуса, который в конечном счете имеет какое – либо одно единственное решение. Это хитрее шифра, который в конечном счете может быть однозначно расшифрован. Это “Лисан ул – гайб”, сокровенней язык, который каждая эпоха, а внутри нее разные читательские группы истолковывают по-своему» (33:576).

Образ талисмана возникает и в стихотворении “Талисманы” и в “Хикметнаме” (“Книга изречений”). “Талисманы”- это тайные знаки, символы, которые пронизывают “Диван”, благодаря которым книга обретает цельность и всеобщность, общечеловеческий характер.

Talismane werd ich in dem Buch zerstreuen,
Das bewirkt ein Gleichgewicht.
Wer mit gläub'ger Nadel sticht,
Überall soll gutes Wort ihn freuen.

Если талисманы в книгу воплел толково,
Равновесье дал ты ей.
Набожной иглою шей;
Отзовется ей благое слово.
(Перевод В. Левики, 33:57)

Талисман – это у Гете мудрость народных изречений, в котором проявляется дух восточной поэзии.

Афористичность, притчеобразность – характерная черта восточной поэзии, в них заключена народная мудрость, и Гете стремился следовать восточной традиции, добиваясь лаконизма и глубины философской мысли в своих стихотворениях.

Так, стихотворение “Талисманы” представляет собой ряд четверостиший, лаконичных, мудрых изречений, которые подчеркивают общечеловеческий характер и таят философский смысл. Талисман у Гете – это слияние земного и космического, западного и восточного, конкретного и всеобщего, это “вся жизнь – смесь, чудная на вид...”

Еще в прологе “Дивана” Гете подчеркивал силу и могущество слова, сравнивал его с пулей.

Weil das so wichtig dort war,
Weil es ein gesprochen Wort war.

(117:193).

И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.
(Перевод В. Левика, 33:5).

У узбеков есть пословица: “Айтилган сўз, отилган ўқ”, (“Сказанное слово приравнивается к пуле”), поэтому слово всегда имело большое значение в решении судьбы человека. Благодаря могуществу слова арабы считали искусство поэзии “искусством колдовства”. Слово на Востоке относили к “видам чародейства”, оно обладало могущественной силой. Гете писал:

Nun töne Lied mit eignem Feuer!

Denn du bist alter, du bist neuer.

(117:209).

Но будь неповторимо, Слово,
Ты старше нас, ты вечно ново!

(Перевод в. Левика, 33:24).

“Старше” потому, что бесконечна персидская песня: “вечно ново” слово потому, что в нем возникает нечто новое – “западно-восточный синтез”, потому что оно горит “своим огнем” (61:45).

В “Маганниннаме” возникает образ поэта, который выражает свои взгляды на искусство слова, на роль и место поэта в его эпоху. Поэт для Гете – носитель Высшей Правды”, который борется за свой идеал оружием слова, в стихотворении “Признание” Гете утверждал мысль о предназначении поэта: “Песня” его должна быть “от сердца спета”.

Поэт обретает бессмертие, становится певцом человечества, если его поэзии выбрала “четыре стихии”, т. е. Любовь, вино, бой и ненависть (43:127).

Aus wie vielen Elementen
Soll ein echtes Lied sich nähren...
(117:197).

Чем должна питаться песня,
В чем стихов должна быть сила,
Чтоб внимали им поэты
И толпа их затвердила?
Призовем Любовь сначала,
Чтоб любовью песнь дышала,
Чтобы сладостно звучала,
Слух и сердце восхищала.
Дальше вспомним звон стаканов
И рубин вина багряный, -
Кто счастливей в целом мире,

Чем влюбленный или пьяный?
Дальше – так учили деды –
Вспомним трубный голос боя,
Ибо в зареве победы,
Словно бога, чтут героя.
Наконец, мы сердцем страстным,
Видя зло, вознегодуюем,
Ибо дружим мы с прекрасным,
А с уродливым враждуем.
Слей четыре эти силы
В первобытной их природе –
И Хафизу ты подобен,

И бессмертен ты в народе.
(Перевод В. Левика, 33:10).

В стихотворении “Завет староперсидской веры” есть такие строки:

Und nun sei ein heiliges Vermächtnis
Brüderlichem Wollen und Gedächtnis:
Schwerer Dienste tägliche Bewahrung,
Sonst bedarf es keiner Offenbarung.
(117:290).

И теперь завет мой – без изъятия
Всем, кто хочет, всем, кто помнит, братья:
Каждодневно – трудное служенье!
В этом – веры высшей откровенье!

Выделенные курсивом строки, подчеркивают их значимость для Гете, который утверждает идею бескорыстного служения народу, в этом видел залог бессмертия поэта.

Чтобы достичь поставленной цели, художник должен творить “чистыми руками”. Источником песни должен быть, по мнению Гете, “пыл души”:

Lösche ich so der Seele Brand,
Lied es wird erschallen;
Schöpft des Dichters reine Hand,
Wasser wird sich ballen.
(117:201)
Чуть остудим мы сердца,
Чуем: песня зреет!
Коль чиста рука певца,
Благо в ней твердеет.
(Перевод Н. Вильмонта, 31:329).

У настоящего талантливого поэта песни идут из глубины сердца. Великий Хафиз писал свои песни “чистыми руками”. Эта строка объясняется индийской легендой о богине Мариатале. Она владычествовала над стихиям, но это

владычество могла удержать лишь до тех пор, пока ее сердце оставалось чистым. Однажды, зачерпнув руками воду в пруду и по обыкновению придав ей форму шара, чтобы понести домой, богиня увидела на поверхности пруда отражение реявших над ней прекрасных существ, подобных ангелам, и в сердце ее проникла старость. Уплотнившаяся в ее руках влага внезапно потекла и смешалась с водами пруда. С тех пор богиня уже никогда не могла без кувшина приносить домой воду. Гете прочел эту легенду в сочинении Зоннерата “Путешествие в Ост-Индия и Китай” (1774-1781 гг.).

В стихотворении “Wink” (“Намек”) Гете сравнивает стихи Хафиза с веером, за которым то как бы прячется, то вновь открывается блеск прекрасных глаз.

Und doch haben sie recht, die ich schelte:
Denn, dass ein Wort nicht einfach gelte...
(117:210).

Да, я их браню и все ж они правы:
Ведь слово не просто, и это всегда вы
Обязаны помнить, вы с этим знакомы.
Слово – как веер! В его проемы

На Вас красивые глазки глядят,
А веер – как флер, прикрывающий взгляд.
Я, правда, не вижу лица самого,
Но девушка не скрыла его.
В ней лучшее, - знает, поди, егоза,-
Глаза, - а они-то мне смотрят в глаза .
(Перевод В.Левика, 33:26).

Аллегорически мысль – это взгляд. Она доступна “лишь одним мудрым”. В стихотворении “Намек” речь идет о гетевском понимании Слова, лишённого самооценности, лишь указывающего на бытие в его “очевидной тайне”, отсылающего к самим вещам предметам, реальность любого рода и именно этим ценного. Слово, по мысли Гете, многозначно, многосложно, в нем всегда просвечивает смысл в своей полноте, но выразить целое в обычном слове невозможно, однако символический язык способен выразить невыразимое через

отражения, в “со-отражениях”. К.О. Конради очень верно заметил, что в “Диване” Гете выработал новую для него стилевую манеру, которую можно охарактеризовать как символический язык. “Его поэтическое видение” обратилось в духовное созерцание, при котором все явления воспринимались как символы чего-то несравненно более высокого и важного. Взгляд, устремленный на символы, обнаруживал в отдельном явлении многообразные взаимосвязи обширного духовного мира и каждое из этих явлений рассматривал как часть великой всеобщности жизни, как отображение того, что принято называть общественным”.

И далее О. Конради разъясняет сущность символического языка, к которому прибегал Гете так: “Поэт отнюдь не утратил этого виденья типического, общего – просто отныне все многообразие жизненных явлений воспринималось как совокупность знаков, где даже простейший факт обретал символический смысл и включался в важный духовный контекст. Всему этому способствовала тонкая игра намеков, когда существенна не логическая последовательность изложения, а свободная – по крайней мере внешне – ассоциация символически значительных образов и мотивов (48:443).

Именно поэтому в стихотворении “Намек” Гете пишет, что “слово не просто”, оно таит много смыслов, знаний.

В стихотворении “Намек”, как и во многих произведениях “Книги певца”, “Книги поэта”, Гете выдвигает свое поэтическое кредо: назначение поэта – проникать вглубь, в суть жизненных явлений, используя при этом новые художественные средства, приема, “новый язык”, способный выразить невыразимое. Гете в сущности прибегая к языку символов, иносказаний, во многом следуя примеру Хафиза, перенимая опыт восточного поэта.

Гете не только выражает свои представления, свои вагляды на поэтическое творчество, но и утверждает в качестве недостижимого образца для подражания и преклонения Хафиза. Ему не только посвящена “Книга Хафиза”: образ Поэта возникает с первого стихотворения “Хиджра”, которым открывается “Диван”. Образ Хафиза проходит через всю книгу. Это и обращение к Хафизу, и душевная беседа с Поэтом, это и выражение любви, восхищения поэтическим даром поэта,

усвоение стиля, идей Хафиза и попыток вступить в творческое соревнование с ним.

В стихотворении “Вторение” Гете писал обращаясь к Хафизу:

In deine Reimart hoff ich mich zu finden,
Das Wiederholen soll mir auch gefallen,
Erst werd ich Sinn, sodann auch Worte finden;
Zum zweitenmal soll mir kein Klang erschallen,
Er müsste den besondern Sinn begründen,
Wie du's vermagst, Begünstigter vor allen!
(117:209).

Пускай я весь – твое лишь отраженье,
В твой ритм и строй хочу всецело влиться,
Постигнуть суть и дать ей выраженье,
А звуки – ни один не повторится,
Иль суть иную даст их сопряженье,
Как у тебя кем сам Аллах гордиться.
(Перевод В.Левика, 33:24).

Гете поразило сходство эпох его и Хафиза. Он видел свое отражение в судьбе Хафиза, считал его собратом, близнецом. Гете был готов идти с ним хоть на край света, в горе и радости быть вместе с Хафизом. Стихотворение “Без границ” завершается так:

Und mag die ganze Welt versinkent!
Nafis, mit dir, mit dir allein
(117:209).

И что мне целый мир? Судьбою
Тебе да уподоблюсь я!
Хафиз, мы будем как друзья!
Сквозь боль и радость бытия,
Любовь и хмель пройду с тобою,
И в этом счастье – жизнь моя.
(Перевод В. Левика, 33:24).

Гете чувствовал духовное родство с Хафизом, о чем сказал в стихотворении “Фетва”. Слова “Фетва” означает решение судьи в вопросах законности и веры. Это было

известно Гете из предисловия к “Дивану” Хафиза, написанного Хаммером. Абу Саид (1519-1566) был верховным судьей в Константинополе в XVI в. Верующие задавали ему вопрос, не вредна ли поэзия Хафиза? Пророк Мухаммед однажды высказал следующее: “Имеются между правдой и неправдой, добротой и злом многие “малости”, которые требуют комментариев”. Имея в виду это изречение, Абу Саид отвечал так: “Газели Хафиза содержат многие совершенные и бесспорные истины, но здесь и там можете найти “малости”, которые находятся вне закона. Дело в том, что нужно различать эти стихотворения друг от друга, т. е. теряк от змеиного яда”. Именно эта легенда легла в основу стихотворения Гете “Фетва”, где от имени Абу Саида Гете говорит:

Hafis Dichtertzüge sie bezeichnen
Ausgemachte Wahrheit unauslöschlich...
(117:207).

Облик поэтический Хафиза
Восхищает полнотою правды,
Но порою в частностях выходит
Он из рамок строгого закона.
Чтоб идти уверенно, должны мы
Яд змеиный отличать от меда,
Благородным, чистым наслаждениям
Предаваясь радостно и смело.
Всех других, грозящих мукой вечной,
Избегать душою, просветленной.
Вот, бесспорно, путь, ведущий к благу.
Так Эбусууд смиренный пишет, -
Бог, прости бедняге прегрешенья!
(Перевод В. Левика, 33:22)

Гете поясняет, что именно те “малости” (Kleinigkeiten), где он отступает от закона. и являются плодотворнейшей сферой его деятельности вопреки гонениями и горестями.

Sei das Wort die Braut genannt,
Bräutigam der Geist;
Diese Hochzeit hat gekannt
Wer Hafisen preist.

(117:206).

Как невеста, Слово ждет,
Дух – его жених;
Брак их знает, кто поет,
О Хафиз, твой стих.
(Перевод В. Левика, 33:20).

Полагая, что дух и слово содержание и форма подобны жениху и невесте, Гете видит в стихах Хафиза счастливое соединение этих двух основных начал искусства. Глубоко проникшись поэзией Хафиза, Гете очень тонко постиг и своеобразную форму газели Хафиза. В стихотворении “Без границ” Гете говорит о газелях Хафиза:

Dass du nicht enden kannst, das macht dich gross,
Und dass du nie beginnst, das dein Los...
(/117:208).

Не знаешь ты конца, тем и велик,
Как вечность, без начала ты возник.
Твой стих, как небо, в круговом движенье.
Конец его – начало отраженье,
И что в начале и в конце дано
То в середине вновь заключено.
(Перевод В. Левика, 33:24).

Особенно пленяли Гете, как мы заметили выше, двойной смысл поэтического слова у Хафиза, вольность поэтической мысли, прикрывая ассоциативной формой, “Изумительная” поэтическая техника открывала неистощимую сокровищницу иносказаний: страстное влечение к любимой означало благочестивое рвение; опьянение – экстаз, в котором постигается божество; любовь к прекрасному мальчику – кравчему облагорожена, она – ступень совершенству; кубок – проводник к небесной цели” (43:124).

В стихотворении “Offenber Geheimnis” (“Откровенная тайна”) сказано:

Sie haben dich heiliger Hafis
Die mystische Zunge genannt...
(/117:210).
Они, Хафиз, называли
Мистическим твой язык.
Но где тот блюстителъ слова,
Что Слова ценность постиг?
Мистическим был ты для них,
Тебя по-дурачки читавших,
В великом имени свой
Нечистый хмель
Мистически чистый весь,
Ты ими всего лишь не понят.
Не набожный, ты блаженствуешь здесь,
И за это они твою славу хоронят.
(Перевод В. Левика, 33:25).

Гете истолковал мистическую символику Хафизу не как выражение благочестивости, а как благодать, доброту, благородство. Главное о поэзии Хафизу, по Гете – это восхваление человеческого личности, ее раскрепощенности, ее вольнодумства, любви к земной жизни и красоте. Таким и вошел Хафиз в сознание западного читателя.

Хафиз блажен (Du, ohne fromm zu sein, selig bist), и в этом Гете видит его величие. Таким хотел бы быть и сам Гете. Многие темы, мотивы образцы и сюжеты, а главное дух творений Хафиза были восприняты Гете и получили своеобразную трактовку в “Диване” Гете.

Гете, вслед за Хафизом и другими замечательными поэтами, центральное место в “Диване” отводит теме любви. Известно, что по законам восточного поэтического искусства всякое хвалебное стихотворение должно начинаться с воспевания возлюбленной. Форма Насиба особенно популярна среди восточных поэтов, причем не важно, есть ли у поэта возлюбленная, объект стихотворения во славу женщины, женской красоты.

Обращение к любовной лирике объясняется еще и тем, что в 1814 г. Гете приехал погостить в Виллермерам (банкир

Виллемер был другом Гете с юношеских лет). Артистическая натура Марианны и ее красота очаровали Гете, 65-летний пот испытал глубинное потрясение. Встреча эта сыграла решающую роль в судьбе будущего “Дивана”. Существует в гетеведении две версии относительно “романа” Гете с Марианной фон Виллемер. Так, в работе Ганса Пиринга взаимоотношения Гете и Марианны неразрывно связываются с его стихотворениями о любви, с “Книгой Зулейки”. Действительно, утверждает А. Михайлов, творчество Гете немислимо без чувственности как своей опоры, без страстности: живым импульсом поэтического творчества был “роман” с Марианной Виллемер, рожденный кругом мотивов “ЗВД” и сам придавший им энергию жизни” Гете – поэт ценил в Марианне прекрасные душевные качества, “она же, исполненная духа, ценит – тот,” что дарует юности зрелость старости – молодость” (33:251). Для него она – образ скорее “литературно-символический”, образ – тип – вроде вечного образа неуловимой Миньон; он выступает в “ЗВД” как слияние человеческого и божественного начал. Образ Зулейки у Гете считает А. Михайлов и с этим можно согласиться, навеян, с одной стороны, восточной любовной лирикой, с другой встречей Гете с Марианной Виллемер, но в “Книге Зулейки” поэт не стремился точно воссоздать, воскресить, передать все перипетии любовного романа.

В цикле воспевалась любовь как таковая – в основе стихотворений “Книги Зулейки” не только любовь Гете к молодой женщине, но они плод богатой фантазии, поэтического воображения Гете.

Стихотворения “Einladung” (“Приглашение”) обращено к любимой женщине Марианне:

Musst nicht vor dem Tage fliehen
Den der Tag, den du ereilest...
(117:248)
Не шагай быстрее, чем Время, -
Дня, грядущего едва ли
Хуже день, что скрылся, минув.
Здесь, где я весь мир отринув,
Мир обрел, порвав со всеми.

Будем оба как в пустыне.
Завтра – завтра, ныне-ныне,
То, что было, то, что будет,
Вдаль не гонит, вспять не нудит,
Мне ж тебя единой надо,
Ты – целенье, ты – отрада.
(Перевод В. Левика, 33:68).

Любовная лирика Гете – это поэзия любви к красоте, истине. И, конечно же, она тесно связана с любовной лирикой восточных поэтов. В стихотворении “Lesebuch” (“Хрестоматия”), обращаясь к великому Низами, Гете воскликнул:

O Nisami! – doch am Ende
Hast den rechten Weg gefunden;
Unauflösliches, wer löst es?
Liebende, sich wieder findend.
(117:214)
О Низами! Ты, блаженный,
Верную нашел дорогу.
Кто развяжет этот узел?
Только любящие сами.
(Перевод А. Парина, 30:342).

Гете узнал творения Низами по книге Хаммера. Вероятно, общаясь с Хаммером, Гете узнал гораздо больше, чем вошло в его книгу, тем более, что содержание всех пяти поэм (“Сокровищницы тайн”, “Хосрав и Ширин”, “Лейли и Менджун”, “Семь красавиц” “Искандарнаме”). Таким образом, Гете был знаком с этими поэмами гораздо глубже и подробнее, чем по книге (97:91).

“Кто может решить “неразрешимое”? По словам Низами, могут только “любящие, снова найдя друга”. Хатем нашел свою Зулейку. Почему Гете выбрал имя Хатема, а не Юсуфа. Менджуна или Фархада? Почему он назвал любимую Зулейкой. А не Лейли или Ширин? Гете хорошо знал их историю любви, история любви Юсуфа и Зулейки, о которой ему было известно

из книги Дица, больше ему импонировала. “В Коране, - пишет Диц, - содержится глава, двенадцатая по счету, под именем “Юсуф”, в которой говорится о любви Зулейки, дочери фараона и супруги Пентефрия, к Юсуфу, сыну Иакова. Так как эта любовь возникла при виде изумительной красоты Юсуфа и не должна была завершиться чувственным удовлетворением, то магометане считают ее образцом целомудренной, хотя и пламенной любви, которая вела к любви к Богу, ибо утверждают, что Зулейка в конце концов обратилась к истинной вере. Это и легло в основу поэмы, написанной Джами, - “Юсуф и Зулейка”. Любовь в ней изображена как стремление ко всему прекрасному, доброму и возвышенному. “Чувственная красота в человеке, как и в других одушевленных и неодушевленных вещах, должна вести к благоговению перед творцом всякой красоты и любви к нему. Поэтому любовь к красоте творения следует рассматривать как средство, ведущее к любви к творце” (111:30).

Видимо, Гете проводил прямые аналогии и избрал для Марианны имя Зулейки, “означающее и пламенную любовь, и самоотречение, откровение божественного в соединении земной и небесной любви, под которым подразумевается любовь к преходящему и любовь к будущему, к бесконечному совершенствованию” (43:74).

Гете не смог назвать себя Юсуфом потому, что Юсуф на Востоке служит символом красоты. Об этом сказано в стихотворении, вошедшем в “Книгу Зулейки”:

Dass Suleika von Jussuph entzückt war
Ist keine Kunst;
(117:248)/.

Что Зулейка в Юсуф влюбилась,
Тут хитрости нет.
(Перевод, В. Левика, 33:69).

Гете выбрал имя Хатем. Хатем Тай был арабским поэтом, известным по легенде как символ щедрости. Он хочет брать счастье, в то же время, даря счастье другим:

Zu nehmen, zu geben des Glückes Gaben,
Wird immer ein grosse Vergnügen sein/
Sich liebend an einander zu laden
Wird Paradieses Wonne sein
(117:249)

Счастье брать, раздавая счастье, -
Было б великой радостью мне.
Жить с любимой в любви и согласье
Рай – с другого не надобно мне.
(Перевод В. Левика, 33:69).

Любовь Хатема к Зулейке означает любовь к общечеловеческому, к бесконечному совершенствованию. Ради этой любви он готов пожертвовать собой. В этом он видит смысл жизни: “Смерть для жизни новой”. В разговоре с Эккерманом заметил: “Для меня убежденность в вечной жизни вытекает из понятия деятельности. Поскольку я действую неустанно до самого своего конца, природа обязана предоставить мне иную форму существования, ежели нынешней дольше не удержать моего духа” (102:275). Эту же мысль высказал Гете в стихотворении “Снова вместе” в “Книге Зулейки”.

По книге Хаммера “Красноречие Персии” Гете был знаком с концепцией мусульманского мистицизма. Идея отождествления божества с природой, которая бесконечно движется к совершенству, к гармонии в учении суфиев, Гете была близка, в известной мере созвучна его философской системе. Он находил в нем идею развития как бесконечного восхождения “иерархий алчущих”, идею самозабвенного созерцания “высшей цели” и неудержимого до полного соединения с божеством” (43:77).

Согласно концепции мусульманского мистицизма, к слиянию с Богом ведут четыре ступени. Первая ступень – шариат, т. е. углубленное изучение заветов мудрецов с тем, чтобы развить в себе способность познания мироздания. Вторая ступень – тарикат, т. е. страстное стремление к совершенству. Третья ступень – маърифат – это высшее, сверхчувственно познание совершенства и исчезновение всего личного, т. е. индивидуальное поглощается всеобщим. “ариф” – познавший,

сливается и отождествляется с божеством, он достигает цели жизни – саморастворения в боге, он сам становится совершенством. Бог – огонь; человек, одухотворенный богом, – уголь.

Гете толкует суфийские образы по-своему. Смерть – это переход в новую, более высокую фазу; огонь – Бог, мотылек – душа, смерть – союз человека с Богом.(43:63).

Как известно, один из основоположников суфизма Ахмед Яссаави выдвинул такой тезис: “Мавту қабла анта мавту” (“ўлмаслигингиздан бурун ўлинг”) (“умирай не умирая”). Это не означает, на наш взгляд, ухода из жизни, наоборот, это призыв ценить жизнь. Если человек хочет жить, он должен стремиться к обновлению жизни. Ведь из пламени божественного огня человек выходит обновленным.

Гете несколько стихов посвятил “огненной смерти”. Его герой готов сгореть, как “мотылек в огне”, умереть “ради новой жизни”, ради “большой любви”. В этом видел Гете смысл жизни. Человек должен стремиться к познанию, к истинности бытия, а не просто “прийти и уйти”. По мысли Саади, “Если мотылек сгорает в пламени, то разве это не лучше для него, чем просто умереть без свечи в углу”? Таков и лирический герой Гете.

В книге “Бустон” Саади Гете нашел образы свечи и мотылька:

О рыцарь, в любви ты натерпишься бед,
В тебе ни терпенья, ни стойкости нет,
Крыло опаливши, бежишь ты, а я
Сгораю в томлении, верность храня.
Любовь опаляет лишь крылья тебе,
А я погибаю в любовном огне.
И если влюблен, так не бойся невыгод,
Как Саади, иди беззаветно вперед,
Самоотверженно, честно любя.
Пусть стрелы и камни осыплют тебя!
В волну не бросайся, пугаясь пучин,
Но, бросившись в бурю, ей сердце вручи.
(Перевод Ю. Панюшевой).

Образы мотылька и свечи – традиционное в восточной поэзии – Гете нашел в лирике Хафиза, в котором повествуется о самопожертвовании в порыве страстной любви.

Стихотворение “Блаженное томление” навеяно персидскими образами, первоначальное название этого гетевского произведения непосредственно связано с его идейным замыслом. “Самопожертвование”, где человек приносит в жертву свое “я”, стремится раствориться в бесконечном космосе. Для Гете “блаженное томление” – это тоска по обновлению, возрождению личности. Мотылек, сгорающий в пламени свечи, для Гете – это символ стремления человека к высшей цели; жажды познания, духовного обогащения.

Sagt es niemand, nur den Weisen,
Weil die Menge gleich verhöhnet,
Das Lebend'ge will ich preisen,
Das nach Flammentod sich sehnet.
(117:204).

Скрыт от всех! Подымут травлю!
Только мудрым тайну верьте;
Все живое я прославлю,
Что стремится в пламень смерти.
(Перевод В. Левика, 33:18).

Поэт уже в первом четверостишии стихотворения “Блаженное томление” подчеркивает, что его стихи, его речи предназначены для мудрых, именно им он расскажет притчу о мотыльке и свече, только им понятна, на первый взгляд, парадоксальная мысль – “все живое” должно стремиться к смерти. “Все живое” – это та жизненная сила, которая не застывает на месте, а стремится дальше вперед. Она действует в самом живом существе, готовом к все преобразующей жертве. Ведь происходит соединение “высшее слияние” а не просто биологический акт соития “в смутном сумраке любовном”, когда жизнь передается дальше.

В духе суфизма, восточного мистицизма, как мы отметили выше, “написано стихотворение “Блаженное томление”. В

символической форме Гете выразил мысль о том, что человек должен стремиться вырваться из тьмы, из границ привычного, и ради духовного возрождения быть готовым к смерти, к самоотречению.

Так родился знаменитый призыв “Умри и возродись”.

In der Liebensnächte Kühlung,
Die dich zeugte, wo du zeugtest,
Überfallt dich fremde Fühlung,
Wenn die stille Kerze leuchtet.
(117:204).

В смутном сумраке любовном,
В час влечений, в час зачатъя,
При свечи слиянье ровном
Стал разгадку различать я;
Ты – не пленник ала ночного,
И тебя томит желанье
Вознестись из мрака снова
К свету высшего слиянья.
Дух окрепнет, крылья прянут,
Ты сгораешь, мотылек.
И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На замле суровой.
(Перевод Н. Вильмонта, 33:18).

“Все живое я прославлю, что стремится в пламень смерти” – так Гете прославляет смерть как высшее завершение жизни, он считает, что вся земная жизнь – постоянное умирание, в то же время и вечное обновление, вечное омоложение. Высшее нравственное требование Гете к жизни выразил так; старое представляется, отбрасывается, предается огню, и это под силу лишь настоящему человеку, кто сжигает себя постоянно, готов к самоотречению, самопожертвованию, тем самым омолаживая себя. Надо уметь умереть так, чтобы снова начат жить: “Умри и возродись!” Так воспринятый Гете образ восточной мистики нашел новое воплощение и слился с идеей западного гуманизма.

К “Книгу певца” вошло стихотворение, где говорится о законе полярности в каждом существе:

In Atemholen sind zweierlei Gnaden;
Die Luft einziehen, sich ihrer entladen...

(117:196).

В дыханье кроется благо двойное,
Одно – это вдох и выдох – другое,
И выдох стеснит, а вдох обновит.
Вся жизнь – это смесь, чудная на вид.
Спасибо Творцу, когда он тебя гнет,
Спасибо, когда он снимает свой гнет.
(Перевод В. Левика, 33:9).

Видимо, на это стихотворение вдохновил Гете “Гулистон” Саади: “Каждый вдох продлевает жизнь, а выдох радует душу. Поэтому в дыхании человека двоякая милость и за каждую следует сердечно благодарить бога”. Гете углубил философскую мысль о борьбе противоположностей двух полярностей в человеке, он увидел ее в самой жизни: печаль и радость, смерть и рождение. Человек должен жить в борьбе, должен “умереть” не умирая ради большой любви, ради будущего, ради новой жизни, только тогда человек сможет понять, осознать суть и смысл самой жизни.

“Умри и возродись”. Это мотив пронизывает весь “ЗВД”. “Книга притч” начинается таким стихотворением:

Vom Himmel sank in wilder Meere Schauer
Ein Tropfe bangend, grässlich schlug die Flut...

(117:286)

В пучину капля с вышины упала,
Ходили волны, ветер выл,
Но бог, узрев смиренной веры пыл,
Дал капле твердость высшего закала,
Ее в себя ракушка приняла,
И вот в венце властителя державы,
Признаньем доблести и славы,
Блестит жемчужина, прекрасна и светла.
(Перевод В. Левика, 33:111).

Притчу о дождевой капле Гете прочитал в книгу “Бустон” Саади во французском переводе “Путешествия в Персия” Шардена.

“Тихая раковина” – символ времени созревания, после которого наступает “превращение”. Капля перестает быть каплей, она становится жемчугом. Налицо та же формула жизни – “умри и возродись!” (42:68).

Во втором стихотворении “Книги притч” “Дивана” говорится о плененном соловье. Этот образ из “Сокровищниц Востока” Хаммера. В этом стихотворении вновь появляется мотив “Блаженного томления”:

Bulbul's Nachtlied durch die Schauer
Drang zu Allahs lichtem Throne
(117:286).

Бюль - бюль пела, сев на ветку,
Звук летел к Владыке света,
И в награду ей за это
Золотую дал он клетку.
Эта клетка – наше тело,
Не свободно в нем движенье.
Но, обдумав положенье,
(Перевод В. Левика, 33:111).

Та же формула жизни – “Умри и возродись!”
В “Книге Сакинаме” (117:277) Гете поместил следующий диалог:

Что ты мрачен – черней, чем тьма?
Хатем
Видишь ли, тело – это тюрьма.
Душу неправдой содержат в ней,
Тесно, не повернуть локтей,
Чтоб ей из тела не убежать,
Тело решили в путах держать.

Дважды в темнице... Вот и ответ.
Как ей, легко ли это терпеть?
(31:394).

Тело – могила. Образ души, погребенной в теле, Гете нашел во втором томе “Сокровищницы Востока” (“Fundgruben des Orients”, II, 1811, 108), где Гаррих рассказывает о дервишах, которые сравнивают душу с соловьем, заточенным в клетку или в силки, он томится и рвется на волю. Гете поднимает важную философскую проблему: заточенная в тюрьме душа стремится к свободе, ввысь, она полна ожидания новых переживаний. Эта же мысль звучит в стихотворении “Завет староперсидской веры” в “Книги парса”. В нем “томление мотылька по пламени” утверждается как религиозный культ солнца и огня, что связано, как известно, с зороастризмом. “Блаженное томление” является кульминацией гетевской мировоззренческой концепции.

Любовь Хатема и Зулейки – земная любовь несовершенного настоящего, поэтому нужно стремиться к будущему, к новой совершенной жизни. Поэтому история их любви тесно связано со всем “ЗВД”, без “Книги Зулейки” в которой рассказывается о радости встреч, о боли разлук, и ожидании новых встреч, о трагедии расставания “ЗВД” немислим.

В этой книге звучит любовный дуэт Хатема и Зулейки. Уже в первом стихотворении Марианны фон Виллемер, вошедшей в “ЗВД”, - “Все мне дал ты нежным взором” – выражена сущность этой любви, порыв переполненной страстью души любимой и любящей женщины. Стихотворение заканчивается так:

Scherze nicht! Nichts von Verarmen!

Macht uns nicht die Liebe reich?

Halt ich dich in meinen Armen,

Jedem Glück ist meines gleich

(117:250).

Полюбил – и стал богатым.

Ты ли нищий? Не шути!

Если ты со мною, Хатем,

Счастье выше не найти.

(Перевод В. Левика, 33:70).

Несомненно, Гете нашел у Саади: “Если кого полюбишь, то отдашь ему сердце, и глаза ничего в мире больше видеть не

смогут и ни на что более смотреть не смогут. Если Лейла и Меджнун проснулись бы и забыли бы любовь, они вновь нашли бы ее в моей книге”, поэтому Хатем говорит Зулейке:

Der Liebende wird nicht irre gehn
War's um ihn her auch noch so trübe,
Sollten Leila und Medschnun auferstehn,
Von mir erführen sie den Weg der Liebe.
(117:250).

Пускай кругом непроглядная мгла,
Кто любит, тому светло повсюду,
А если воскреснут Меджнун и Лейла,
Вожатым любви для воскресших я буду.
(Перевод В. Левика, 32:70).

В основе любовного диалога между Хатемом и Зулейкой лежит легенда о Бахрамгуре и его рабыне Диларам, помещенная Хаммером в книгу по истории персидской поэзии. В качестве древнейших памятников персидской поэзии историки приводят стихи Вахрамгура, великого царя Сасанидской династии, который будто бы первым заговорил рифмованной речью.

Побужден же он к этому был своей возлюбленной, рабыней Диларам, которая выражала ему свою любовь тем, что повторяла его речь мерными и в конце фразы равнозвучными словами. Так будто бы возникли первые стихи”. Это вдохновило немецкого поэта к написанию стихотворения о Бахрамгуре. Если учесть, что Гете изучил почти все восточные источники того времени, то, на наш взгляд, он не мог обойти вниманием вышедший в свет перевод “Erste Theil Neuer kurzweiliger Historien, in welchen Gaffars, des Königes zu Serendip dreier Söhne Reise ganz artlich und lieblich beschreiben/ Jetzt neulich aus italianischer in Teutsche Sprach gebracht durch Johann Wetzeln, Bürger zu Basel. Gedrückt zu Basel. Im jar (sici) 1583”. (“Первая часть новых увлекательных историй в которых Джафара, царя в Серендипе, трех сыновей странствие весьма изящно и прелестно описано, теперь вновь с итальянского на немецкий язык переведено Иоганном Ветцелем, базельским горожанином.

Напечатано в Базеле в 1583 г). Он издавался в Лейпциге в 1630 и 1723г. Книга переведена на французский (1719 г.), позже на голландский (1766 г.) языки. Она переиздавалась в Европе 11 раз, что свидетельствует о большой популярности этого перевода.

Произведение состоит из двух частей. В первой рассказывается о том, как царь Серендипа Джафар воспитывает своих трех сыновей, стремясь сделать их умными и проницательными. Благодаря уму и способностям сыновья Джафара добиваются у царя Бахрамгура доверия и остаются у него. Вторая часть книги повествует о самом Бахрамгуре, который берет царевичей к себе на службу. В то время он изгнал свою любимую рабыню Диларам, но начал тосковать о ней и заболел меланхолией, врачи не могут его вылечить. По совету царевичей для Бахрама строят сем дворцов, где он должен развлекаться, но и это помогает мало. Бахрам страдает бессонницей, поэтому по вечерам к нему зовут путников, которые ему рассказывают сказки. Шесть путников рассказали шесть сказок, седьмой путник рассказывает о скитаниях несчастной Диларам после изгнания. Бахраму удастся ее разыскать и счастливо с ней соединиться.

Для первой части книги Христофора источником, несомненно, послужила поэма Эмир Хосрова “Хишт Бихишт” (“Восемь раев”). Относительно второй части, как считает Е.Э. Бертельс, трактовка истории Бахрама и Диларам имеется только в “Семи Планетах” Навои и более нигде (9:81). Эта книга могла служить вторым источником для написания стихотворения о Бахрамгуре, творце рифмы. Рифмы – восторженная речи любви:

Behramgur, sagt man, den Reim erfunden,
Er sprach entzückt aus reiner Seele Drang;
Dilaram schnell, die Freundin seiner Stunden,
Erwiderte mit gleichem Wort und Klang.
Und so, Geliebte, warst du mit beschieden,
Des Reims zu finden holden Lustgebrauch,
Daß auch Behramgur ich, den Sassaniden,
Nicht mehr beneiden darf: mir ward es auch.

(117:265).

Шах Бахрамгур открыл нам рифмы сладость,
Его душа язык в ней обрела
И чувств ответных действенную радость
Его подруга в рифмах излила.
Подобно ей, и ты мне, дорогая,
Открыла слов созвучных волшебство,
И, к Бахрамгуру зависти не зная,
Я стал владыкой царства моего.
(Перевод В. Левика, 33:87).

Зулейка, как и Диларам, воспринимала рифмованные звуки от своего возлюбленного и сама овладела рифмой, став поэтессой. Марианна фон Виллемер купила на франкфуртской ярмарке турецкий орден “Солнце - Луна” и подарила его Гете в знак признания высот поэзии, достигнутых им персидско-турецкой лирике:

Suleika
Die Sonne kommt! Ein Prachterscheinen!
Der Sichelmond umklammert sie.
Wer konnte solch ein Paar vereinen?
Dies Rätsel wie erklärt sich's? wie?
(117:253).

Зулейка
Восходит солнце, что за диво! –
И серп луны обвил его.
Кто сочетал их так счастливо?
Что значит это волшебство?
(Перевод В. Левика, 33:74).

Hatem
Auch sei's ein Bild von unsrer Wonne!
Schon sah ich wieder mich und dich,
Du nennst mich, Liebchen, deine Sonne,
Komm, süßer Mond, umklammre mich!

Хатем
Их счастье – то, чем мы богаты,

И мы с тобой – как плоть одна.
Коль друга солнцем назвала ты,
Приди, обвей меня, Луна!
(Перевод В. Левика 33:74).

Ради своей любви Хатем готов преподнести Зулейке в дар весь Восток. Гете прочел у Хаммера об одной газели Хафиза, в которой тот за родинку на щеке любимой готов отдать Самарканд и Бухару, жемчужины архитектуры Востока:

Агор он турки шерозий ба даст орад дили моро,
Ба холи хиндуяш бахшам Самарканду Бухороро.
Дам турчанке из Ширази Самаканд,
А если надо, -
Бухару! А в благодарность жажду родинки и взгляда.
(90:73).

Легенда гласит, что этот знаменитый бейт стал поводом для встречи властителя Тимура с Хафизом (вероятно, в 1387 г.), Тимур велел призвать к себе Хафиза, который был уже в преклонном возрасте: “Я отдал тысячи человеческих жизней за эти города, а ты их даришь за родину на щеке?” На это поэт, не смутившись, ответил: “О великий Тимур, взгляни на дарящего”. Восхищенный остроумием поэта, Тимур пощадил его и щедро одарил.

В стихотворении “Немногого прошу я, вспомни”, следуя Хафизу, Хатем хочет преподнести Зулейке все драгоценности Востока:

Nur wenig ist s was ich verlange,
Weil eben alles mir gefällt...
(117:254).
Немногого прошу я, вспомни –
Земное все цену равно,
А то немногое давно мне
Землей услужливой дано.
Люблю и шум на дружном пире,
И тихий дом без суеты,
Но дух мой радостней и шире,
Когда с тобой мои мечты.
Тебе империи гигантской

Тимур и власть, силу дал,
И груды бирюзы гирганской,
И гордый бадахшанский лал.
И, мед хранящие в избытке
Сухие фрукты Бухары,
И песен Самарканда свитки
Ты принимала б как дары.
Я госпоже Ормуза новой
Писал бы с острова о том,
Как, весь в движенье, мир торговый
Расцвел, твой украшая дом.
В стране брахминов неустанно
Трудился б рой и жен, и дев,
В шелка и в бархат Индостана
Тебя роскошно разодев.
И земле, камни, щебень равный
Искусный лег бы ювелир,
Чтобы, создав венец алмазный,
Тебя украсить, как кумир.
Из моря б жемчуг доставали,
Ныряя, дерзкие ловцы,
Чтобы ты не ведала печали,
Диван сзывали б мудрецы.
И все коренья и куренья
Текли б из самых дальних стран,
Чтоб ты в восторге нетерпенья
Встречала каждый караван.
Но ты, пресытившись их видом,
Усталый отвела бы взгляд.
Кто любит, - я секрет наш выдам, -
Лишь другу неизменно рад.
(Перевод Е Левика, 32: 76).

Бедняк и властитель всегда служили символами богатства и бедности, однако по-настоящему считает Гете, богат лишь любящий. Ведь он щедр и расточителен, он готов на все ради своей возлюбленной. Царь богат, но в любви ничего не понял.

Гете создает назиру подобно знаменитому бейту Хафиза "Агар он турки шерозий...":

Hätt ich irgend wohl Bedenken
Balch, Buchara, Samarkand...
(117: 255).

Мне и в мысли не входило,
Самарканд ли, Бухару-
Не отдать, отдать ли милой
Этот вздор и мишуру.
А уж царь иль шах тем паче -
Разве дарит землю он?
Он мудрее, он богаче,
Во в любви не умудрен.
Щедрым быть - тут дело тонко,
Город дарят неспроста:
Тут нужна моя девчонка
И моя же нищета.
(Перевод В. Левина, 33: 76).

В "Моллакате" на Гете особенно большое впечатление произвел мотив плача в разлуке с возлюбленной. Этот мотив положен в основу нескольких стихотворений, вошедших в "Книгу Ишкнаме" и "Книгу Зулейки":

Deinem Blick mich zu bequemen,
Deinem Munde, deiner Brust...
(117: 286).

Голос, губы, пламень взгляда -
Нет, признаюсь, не тая:
В них последняя отрада,
Как и первая моя.
Та - вчера - была последней,
С ней погас огонь и свет.
Милых шуток, милых бредней
Стал мне дорог даже след.
И теперь, коль не пошлет
Нам Аллах свиданье вскоре,
Солнце, месяц, небосвод
Лишь мое растравят горе.
(Перевод В. Левика, 33: 88).

Это стихотворение посвящено уходу Марианны фон Виллемер от Гете в прозаическом тексте "Дивана" Гете писал, что "Книга Зулейки", содержащая поэзию страсти, от "Книги любви" отличается тем, что здесь возлюбленная называется по имени, что ей придан определенный характер, что она сама выступает как поэтесса и в своей беззаботной юности словно соперничает в пылкости страсти с поэтом, где разыгрывается эта дуодрама - совсем персидская. И здесь тоже заметно иной раз духовное значение - покров земной молвы таит отношения высшего свойства" (33:458).

Гете тем самым подчеркивает, что в "Книге Зулейки", как и в "Книге Любви" основной мотив - это представление о любви как слияния чувственного и духовного начал, благодаря чему человек обретает блаженство, попадая в рай, но врата в рай открыты на Востоке не всем, т. е. обретение возможно мудрым и благочестивым.

Мудрецы - это семеро поэтов доисламской арабской поэзии: Амир аль-Кайс, Тарафа, Захири, Лебиди, Алтари, Амри, Хареси. Легендарное "семизвездие" персидско-таджикской классической поэзии представляет Фирдоуси, Анвари, Низами, Руми, Саади, Хафиз и Джами.

Гете выделяет семь фигур благочестивых на Востоке, которые оказались преданными своей вере, своих убеждениях за справедливость, за новую жизнь и за счастье. В этом заключается смысл бейта Навои и стихотворения "Семеро спящих".

В основу этого стихотворения взята легенда, возникшая в Риме, где императоры приравнивались к богу, предание было воспринято на Востоке и воспроизведено в Коране. Семеро римлян отказались поклоняться императору Децию как богу, убежали и спрятались в горной пещере. Узнав об этом, император приказал замуровать их там.

Юноши, включая шестерых сыновей бывшего императора, пастуха со своим псом, спали 184 года. Гете прочел эту легенду в третьем томе «Сокровищниц Востока» Хаммера и увидел в ней ярчайший символ, необходимый ему для "ЗВД". Легенда в переработке Гете такова:

Sechs Begünstigte des Hofes
Fliehen vor des Kaisers Grimme...
(117: 303).

Шесть обласканных придворных
От царя бежать решились,
Ее желая чтить в нем бога,
Раз на бога не похож он.
(Перевод Е Вольпина, 31:420).

Шесть юношей спасается от гнева тирана, по пути им встречается пастух со своим псом, который присоединяется к ним. Опасаясь преследований, они укрываются в пещере.

Царь, изменой оскорбленный, для любимцев казнь измыслил:

Не огонь и не железо - Повелел он вход в пещеру заложить кирпичной кладкой.

Но ангел-хранитель прорубил щель, и в пещеру проникали лучи солнца, поддерживающего силы спящих. Прошли годы, отроки проснулись. Один из них, рискуя жизнью, покинул пещеру, чтобы принести хлеба для товарищей. Его узнают правнуки, народ, царь и воздают ему почести. Он возвращается к своим товарищам, оставшимся в пещере. Тщетно царь ждет их. Все семеро отроков, отделившие себя от мира, волей божьей предназначаются для рая, и пещера вновь оказывается замурованной.

Семерых которых восемь
Стало издавна с собакой,-
Втайне средствами своими
Гавриил по воле божьей
Отрешенных от волнений
В рай вознес. Глазам пещера
Замурованной предстала.
(Перевод Н. Вольпина, 31:422).

"Сон в пещере означал, согласно мистическому смыслу легенды, богом явленное одухотворение мудрых и благочестивых. Спяще в пещере символизируют, согласно

персидским и арабским притчам, людей из пещеры, чтобы поведать о нем людям" (43: 57).

Как известно, великий узбекский поэт и основоположник узбекской литературы Алишер Навои относился к своим предшественникам с большим уважением и признательностью, особенно при написании "Хамсы", продолжая традиции Низами, Дехлави и Джами как своих учителей. Посвящая свкоему устоду Джами "Хамсатул -мутахаййирин". Навои писал: "Ул вақким, факир "Хамса"га татаббу қилдим, бир дostonда ҳазрати Шайх Низомий ва Амир Хусрав Дехлавий ва у ҳазрат маддохликлариким, ўзимни ихлос ва ниёзмандлиғ юзидан аларга тобеъ ва пайрав тутиб, сухангузорлик вокеъ бўлиб эрдиким:

Каҳфи фано ичра алар
бўлса гум,
Мен ҳам ўлай робиаҳум
калбиҳум.

Этот байт написан в знак признательности своим устодам Низами, Дехлави и Джами.

Фонийлик ғорида улар
йўқолсалар,
Мен ҳам уларнинг
тўртинчилари - итлари
бўлай.
(Перевод П. Шамсиева).

Если они исчезнут в пещере, как в гробу,
То я явлюсь псом, или четвертым.
(Подстрочник наш).

В основе этого бейта лежит легенда о "семерых спящих со своим псом" (20), о которой Навои пишет, что имеется несколько ее вариантов; в одном отроков трое, пес четвертый; в

другом отроков пятеро, шестой пес; в третьем отроков шестеро, седьмой пес, в четвертом отроков семеро, восьмой пес. Значит, для своего бейта он выбрал первый вариант.

Как уже отмечено, для "Семерых спящих" Гете выбрал последний вариант. Что хотели выразить оба поэта, Навои и Гете? Оба выражают свою признательность и убеждение быть с ними наравне в борьбе за справедливость, за большую любовь, новую жизнь и за счастье всего человечества. Поэтому оба поэта следуют за своими устодами, как преданные псы. В этом заключается смысл бейта Навои и стихотворения Семеро спящих" великого Гете.

"Книга любви" начинается стихотворением "Образцы", где описаны шесть любовных пар, воспетых поэтами Востока.

Hög und bewahre
sechs Liebespaare...
(117: 212).

Знай и млад и стар
шесть любовных пар.
В слове предстала судьба:
Рустам и Рудаба.
Любовь без исхода горька:
Юсуф и Зулейка.
Ужас любовных кручин:
Фархад и Зулейка. Розно жить не могли
Менджун и Лейли. В старости верность прочна:
Джемил и Ботейна. Прихоть жизни великой:
Соломон с Темнолицой.
Тот, кто усвоил урок,
Знает любовь назубок.
(Перевод А. Парина, 31:341).

В стихотворении перечислены воспетые великими поэтами Востока примеры высокой любви. В поэме Фирдоуси "Шахнаме" Саль и Рудаба полюбили друг друга заочно, по описанию. (Заметим, что Гете неточно запомнил их имена; когда они поженились, у них родился сын Рустам). Юсуф и

Зулейка - восточный вариант библейской истории Иосифа и влюбленной в него жены Потифара, с тем отличием, что Зулейка до самой смерти любила Юсуфа, хотя и была им отвергнута. Фархад и Ширин – герои одноименной поэмы Низами. Менджун и Лейла – герои романа Джамии того же названия. Джемиль и Бойтейна – легендарная любовная пара в восточной литературе. Халиф Абдальмалик, узнав о любви до старости Джемиля и Бойтейны, пожелал их увидеть; но когда к нему пришла старуха, он осыпал ее насмешками, на которые Бойтейна смогла остроумно ответить. Любовь Соломона и царицы Савской Балкис описана в Библии.

За стихотворением “Образцы” следует стихотворение “Еще одна пара”, Гете воспевается “седьмая пара”. Это стихотворение посвящено забытой поэме о любви Вамика и Азры, ставших жертвой религиозного фанатизма. Под любовью Вамика и Азры, на наш взгляд, подразумевается любовь Хатема и Зулейки т. е. себя и Марианны представленные в “Диване” Гете; их объединяет целеустремленность, стойкость духа, самопожертвование, высокая духовность, помогающая им преодолеть личные препятствия. Именно такие люди, по мысли поэта, достойны восхищения, любви, именно они могут быть удостоены высшей награды – им открыты врата в рай, где они и обретут блаженство.

Гете в книге “ЗВД” и прославляет тех, кто родился под счастливой звездой, счастливой звездой, кто вошел в счастливое число “семь”, удостоился счастья и сам даровал счастье людям. Счастье любить и дарить счастье другим – таково кредо поэта.

Любовь для Гете волшебный талисман, через который он ощущает, познает весь мир, эту мысль он развивает в заключительной газели “Книги Зулейки” “В тысячи форм ты можешь притаиться? В этом стихотворении весь мир символизирует имя Зулейки.

В журнале “Сокровищницы Востока” (114) Гете нашел статью в которой названы 99 имен Аллаха у арабов, сотое имя - Бог. Гете готов всеми ими наделить Зулейку, так как в каждом из них он слышит отзвук ее имени:

| In tausend Formen magst du dich
verstecken?

Doch, Allerliebste, gleich erkenn ich dich;
(117:273).

В тысячи форм ты можешь притаиться,-
Я, Вселюбимая, презрю тебя,
Иль под волшебны},! покрывалом скрыться,-
Всеведесущая, презрю тебя.
В чистейшем юном росте кипариса,-
Вседивновзросшая, презрю тебя,
Живой волной канала заструится,-
Вселасковая, в ней поозрю тебя,
Фонтан ли ввысь возносится, красуясь,-
Всерезвая, и в нем я зрю тебя;,
Меняет образ облак, образуясь,-
Всеразнолика, я зрю тебя,
Ковер лугов, и он тебе порукой,
Всепестрозвездная, в нем зрю тебя,
Коль небо чисто надо мной круглиться,-
Все сердце ширящая, пью тебя.
И если вьется плющ тысячерукий, -
О Воевсвязующая, зрю тебя,
Лишь над горами утро загорится,-
Вседобрая, приветствую тебя,
Весь опыт чувств, и внутренних и внешних,
О вееучительная - чрез тебя,
Аллаху дам ли сто имен нездешних,
Звучит за каждым имя - для тебя,
(Перевод С.Шервинского, 32:96).

Хр. Вурм считает достаточным для понимания этого стихотворения перечисление лишь некоторых из 99 имен Аллаха, причем тех, что считаются главной составной частью всех заклинаний, волшебств и талисманов. “Этим гимном во славу Зулейки заканчивается “Книга Зулейки”. Это символ любви, одушевляющей Вселенную, отображение любви к божеству, под которым Гете понимает красоту истины и истину красоты, неустанное тяготение к ним” (43:75).

Стихотворение “В тысяче форм” философское по своему характеру. Конечно, в нем речь идет о возлюбленной, о чувстве любви, но возлюбленная не просто реальное существо, она –

вечно женственное, божественное начало, которое увлекает нас в небеса, в иной мир. Она везде и во всем принимая тысячи форм, она проявление самой жизни, поэтому “Всеездесущая”. Но почему “Всеиграющая”, Этим определением эпитетом Гете, думается, хотел передать мир, природу в переливах в изменениях метаморфозе. И потому для Гете, мир, который предстает не только в игре различных состояний, изменений и движений, но и многообразным, многоликим, - “Всеинолика”. И еще жизнь “Всеосветляющая”, - т. к. Происходит смена дня и ночи, света и тьмы, “смена бытийных состояний”. “Всеиссердцеширящая” – это бесконечные превращения бытия, всеохватность мира.

Стихотворение Гете “В тысяче форм”, написанное в форме газели, излюбленном жанре Хафиза и других восточных поэтов, представляет как мы могли убедиться, сложное по своему произведение, символическое по характеру. Возлюбленная Гете –божество воплощенное в человеческом облике вернее в тысяче ликов – это символ прекрасного, самого бытия, жизни во всех ее проявлениях. Любить – значит раствориться в природе, это любовь – это слияние духа с природой, это проявление самой жизни в ее неисчерпаемости, в ее многообразных проявлениях. Так происходит поворот от личности к всеобщему у Гете.

Песнь о любви, или возлюбленный постепенно перерастает в конкретное ее проявление, становясь символом человеческой жизни на земле, слиянием.

“ЗВД” пронизан кораническими мотивами. Для Гете мудрость Востока, дух Востока заключены в изречениях, афоризмах, в Коране. Не случайно Гете выделяет “Книгу изречений”, в которой в лаконической форме выразил свои мысли, взгляды на веру, на жизнь в целом. В “Диване”, как мы отмечали, причудливо сочетается западное и восточное, но восточные мотивы оказываются преобладающими, более того, Гете довольно часто обращается к Корану. Так, во второй суре Корана написано: “Аллаху принадлежит и Восток и Запад”. У Гете читаем из Корана:

Gottes ist der Orient!

Gottes ist der Okzident!

Nort – und südliches Gelände
Ruht im Frieden seiner Hände.
(117:195).

Весь Восток до края – божий!
Запад весь до край – тоже!
Север и пространный Юг –
Все во власти божьих рук.
(Перевод В. Брюсова, 33:547).

Впитывая восточную культуру, восточную мудрость, проникаясь его духом, сопоставляя с собственными личными переживаниями, Гете поднимается до широких философских обобщений, раздумывает о смысле человеческой жизни. Путешествие на Восток обогатило Гете – поэта. Явно опережая свое время, он рассматривает в “Диване” мир Запада и Востока в нерасторжимом единстве. Идея культурного обмена, наступления “Всеобщего мира” пронизывают “ЗВД”.

В эпилоге, прощаясь с читателем, Гете утверждает мысль о единении народов, подчеркивает общечеловеческий характер поэзии, которая преображает мир, делает его новым.

Nun so legt euch, liebe Lieder,
An den Busen meinem Volke!
Und in einer Moschuswolke
Hüte Gabriel die Glieder.
(117:305).

В путь, стихи мои, к народу
Гавриил под сенью рая,
Амброй гостя овеяя,
Обновит мою природу,
Возродит мой дух усталый,
Чтоб, в ладу с киркой тяжелой,
Бодр и свеж, дробил я скалы,
Дружелюбный и веселый,
Чтоб от края и до края
Всех великих собирая,
Длил мой век в уладах рая
И прекрасным, вечно новым
Мир кругом преображая,
Всех питал бы мудрым словом, -

Пусть же и собачка, лая,
Поспешает за уловом.
(Перевод В. Левика, 33:136).

“ЗВД” Гете представляет собой образец универсального искусства, в котором находятся в тесной взаимосвязи национальное и общечеловеческое. Концепция мировой культуры лежит в основе эстетики Гете – поэта.

Книга “ЗВД”, написанная, как признавался Гете “в состоянии счастья”, пронизана светлым и чистым чувством человека, который испытывает “блаженное томление”, мгновения счастья. Не случайно лирический герой предстает перед читателем чаще всего в момент душевного подъема, воспарения духа, в момент, когда он испытывает райское наслаждение, находит дорогу в рай. Тема рая играет важную роль в структуре сборника “ЗВД”, более того, одна из 12-ти книг названа “Книга Рая”. В ней содержится, по призванию Гете “особенные черты магометанского рая”, “высшие приметы духовного благочестия, имеющие касательство к этой обетованной веселой жизни во блаженстве”. Именно поэтому “ЗВД” представляет огромный интерес для многих народов мира, именно поэтому чтение творения гениального Гете является истинным счастьем для каждой нации.

Неоценимый вклад внесли узбекские переводчики, которые познакомили, повели за собой читателя в поэтический мир Гете.

Постижение поэтического мира Гете, изучение его творчества в узбекском литературоведении тесно связаны с проблемой художественного перевода. Освещению этого вопроса и посвящена вторая глава настоящей монографии.

ГЛАВА 2. ГЕТЕ В УЗБЕКИСТАНЕ

2.1. Изучение творчества И.В. Гете в узбекском литературоведении.

История знакомства и освоения Гете в Узбекистане представляет особую страницу проявления межлитературных связей, взаимодействия литератур, отмеченных интереснейшими поисками и открытиями.

В Узбекистане первые статьи о Гете были опубликованы в 30-годы XX в. (133), однако переводы его произведений появились лишь только в 50-е годы. Узбекскому читателю посчастливилось познакомиться с творчеством Гете в 1957 году. В этом году по случаю 125-летия со дня смерти великого поэта на страницах республиканской газеты “Ўзбекистон маданияти” (“Культура Узбекистана”) была опубликована статья известного узбекского поэта, удивительного переводчика, Устода Максуда Шейхзаде “И.В. Гете”. Всем своим пафосом, содержанием статья подчеркивает значение и актуальность творчества Гете. Впервые в этой статье приводится стихотворение Гете “Умид” (“Надежда”) в переводе народного поэта Шукуруллы. Это стихотворение призывает быть стойкими, трудолюбивыми, жть с надеждой и верой в будущее.

Ишонаман! Рўёбга чиқар
Таскинларинг кетмай беҳуда:
Умид билан экилган таёқ
Меҳнат, чидам натижасида
Бир кун берар меваю япроқ.
(Перевод Шукуруллы).

Чуткий поэт-переводчик М. Шейхзаде в своей статье, дает характеристику жизненного и творческого пути поэта, подробно раскрывает суть драмы “Гец фон Берлихинген”, трагедии “Прометей” и сентиментального романа “Страдания молодого Вертера”. О двух последних произведения М. Шейхзаде, в частности, говорит следующее: “Эти два произведения Гете характерны для периода “Бури и натиска”, т. е. для времени борьбы против старых, отживших и несправедливых порядков”(98). На страницах этой газеты впервые напечатан

узбекский перевод стихотворения “Хиджра” из знаменитого цикла “Западно-восточный диван” Гете, выполненного самим М.Шейхзаде.

Стремясь выявить своеобразие творчества Гете, подчеркнуть многогранность его художественного таланта, Устод М.Шейхзаде представляет Гете не только как поэта, прозаика, но и талантливого драматурга, автора трагедии “Еорквато Тассо”, драмы “Эгмонт”, “Ифигения в Тавриде”. “В трагедии “Торквато Тассо” автор (Гете – С. Д.) хотел показать противоречие между поэтом и придворной средой в период итальянского Ренессанса, где нетрудно заметить мотивы, касающиеся жизни и судьбы поэта”.

Творчество Гете, справедливо считает М. Шейхзаде, невозможно представить без трагедии “Фауст”. Имена собственные “Гете-Фауст” или “Фауст-Гете” настолько слились друг с другом, что никак нельзя отделить одно от другого. “Фауст” является гениальным произведением Гете. Специально останавливаясь на этом произведении, М. Шейхзаде говорит: “Доктор Фауст стремится понять тайны вселенной и природы при помощи силы науки. Дьявол /Мефисофель/ держит пари с Богом и говорит, что он обязательно возбудит страсть у Фауста и направит его на недоврый, плохой путь, и по условию этого спора Фауст считается проигравшим, если он будет удовлетворен страстными наслаждениями жизни и заявит свое полное удовлетворение от веселья, сказав” это мгновение прекрасное, остановись, ты прекрасно”.

Поэт М.Шейхзаде раскрывает в основном сущность трагедии “Фауст”. На самом деле легенда о Фауста, широко распространенная в XVI века в устном творчестве немецкого народа, послужила основой для создания трагедии “Фауст”. Литературовед С.В. Тураев в своей монографии “Иоганн Вольфганг Гете” излагает легенду о Фаусте следующим образом: “Сохранились несколько документов, касающихся реально существовавшего Фауста. Он родился около 1485 года. Известно, что в 1506 году будущий вождь рыцарской оппозиции Франц фон Зиккинген рекомендовал его учителем в Крайнцих. По-видимому, он учился в нескольких университетах, как это было принято в Гремании, и получил степень бакалавра в

Гейдельберге. Он странствовал по стране, общался с гуманистами, занимался магией и астрологией. В одном из документов 1522 года, например, значится, что за 10 гульденов Фауст составил гороскоп /предсказание/ для князя-епископа Бамбергского. Не раз его изгоняли то из одного, то из другого города. Он умер около 1540 года. Сейчас трудно сказать, был ли он только шарлатаном, или в какой-то мере близок к титанам Возрождения, овеянным авантюрным духом того времени. Но вскоре вокруг его имени стала складываться легенда; какие бы формы она не принимала, в ней неизменно выступало на первый план удивление перед необыкновенной личностью человека, который держался независимо, верил в магическую силу своих знаний и про которого стали говорить в соответствии с предрассудками того времени, что он смело пошел на договор с самим дьяволом” (85:109). Данная легенда вошла в литературу впервые в 1587 году. Книга Иоганна Шписа “История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом волшебнике и чернокнижнике, как он продался на срок дьяволу, что за удивительные приключения он видел и сам испытал, пока, наконец, его постигла заслуженная кара” является первым произведением, созданным на основе легенды о Фаусте. Позже эта легенда привлекла к себе внимание и других творцов. Легенда о Фаусте послужила основным материалом также и для произведения земляка знаменитого Шекспира: английского драматурга Кристофера Марло, “Трагическая история доктора Фауста” (1588). Но “Фауст” Гете является самым совершенным среди произведений перечисленных выше авторов, принесшим ему мировую известность. Действительно, “Фауст” Гете – это философия человека в полном смысле слова. В человека всегда борются две силы: положительная и отрицательная. Благодаря этим силам человек постоянно действует и стремится. Основная цель Мефистофеля направлена на одержание победы над положительными силами в человеке. Главная причина спора Мефистофеля с Богом только в этом. Будучи недовольным Богом, Мефистофель упрекает его в том, что он зря дал людям разум, благодаря которому человек никогда не находит покоя, не удовлетворяется своей жизнью. Если бы человек был таким

же как и другие вся сущие, то жил бы тоже спокойно и безмолвно. Вот что говорит Мефистофель:

Мефистофель
Инсон – коинотда кичкина худо,
Шундай яралган у азал ибтидо.
У балки тузукрок яшарди букун,
Сен солмаган бўлсанг кўнглига учкун.
Ўша учкунни у ақл деб атар,
Куни у туфайли хайвондан баттар.
Кечир, гарчи унга бердинг башар от,
Аммо яшаётир мисли хашарот.
Худди чигирткадек хас чўллар аро
Гоҳ учар, гоҳ сакрар, гоҳ тузар наво.
Майли эди юрса маконида жим,
Ҳар ишга тумшуғин сўқар у, тангрим
(Перевод Э. Вахидова, 25:24).

Заключая договор с Богом, Мефистофель считает, что он заставит Фауста без труда удовольствоваться настоящими наслаждениями жизни и перед смертью Фауст якобы скажет: “Эх, остановись, жизнь, ты прекрасна”. Взамен отданной Мефистофелью своей души, Фауст добьется богатства и любви, но этим он не удовлетворится в жизни. Настоящее удовлетворение он видит в созидательном труде и свободе:

Nur der verdienst sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss,
Und so verbringt, umrungen von Gefahr,
Hier Kindheit, Mann und Greis sein tüchtig Jahr.
Solch ein Gewimmel mocht ich sehn,
Auf freiem Grund mit freiem Volke stehn.
(Goethe. Faust.)

Ҳаёт ва эркинликка ким экан лойиқ?
Бу йўлда курашган жасур халойиқ!

Аямай кучни ёш яланг, чоллар,
Меҳнатда гуллатсин турмушнинг кўркин,
Токи, кўриб қолай нурга чулғонган.
Ўлкамни эркину, халқимни эркин.
(Перевод М. Шейхзаде).

В действительности, умирая, Фауст слышит голос: “Эх, остановись, жизнь, ты прекрасна!” Мефистофель, который ждал с нетерпением этого момента, говорит ангелам: “Я победил”. Тогда ангелы отвечают ему: “Ты не мог победить Фауста, его душу, способную вести борьбу”. “Голос”, который ты услышал, есть “голос” будущего.

Великий Гете мечтал объединить свой народ, который был разделен на мелкие враждующие княжества, угнетенные иностранными захватчиками, увидеть свободный труд и творчество свободного народа, бурное развитие родного языка, литературы и искусства, и он показал эту борьбу в стихотворных строках, в образе Фауста. В этом смысле “Фауст” Гете является произведением, отвечающим чаяниям угнетенного народа, борющегося за свою свободу, самостоятельность, язык, литературу и искусство, и имеет большое значение и для нашего сегодняшнего дня.

Устод М.Шейхзаде впервые познакомил узбекских читателей с творчеством великого сына немецкого народа Гете и заложил основу гетеведения в узбекском литературоведении.

Спустя ровно 15 лет узбекскому читателю удалось еще глубже познакомиться с его поэзией, войти в мир Гете, он получил возможность читать его произведения на родном языке.

Известный узбекский народный поэт, прекрасный переводчик Э.Вахидов, взявшись за большое и ответственное дело, перевел на узбекский язык в 1972 году первую часть “Фауста” Гете с языка посредника. Перевод данного произведения на узбекский язык явился большим событием в узбекской литературе и в духовном развитии узбекских читателей. С этого момента началось серьезное исследование творчества Гете в узбекском литературоведении, а также освоение узбекской переводческой гетеаны. Узбекская

критическая мысль шла рука об руку с переводческой. По мере того как обогащалась узбекская переводческая гетееана, Гете входил в духовную жизнь узбекского народа, формировалось и развивалось узбекское гетееведение.

Исследователи стремились не только привлечь внимание к творчеству Гете, познакомить читателя с одним из выдающихся представителей немецкой литературы, создать представление о художественном мире Гете, но и, что не менее важно, проследить за процессом освоения истолкования узбекского Гете, дать оценку интерпретации поэзии немецкого поэта узбекскими переводчиками. Перевод “Фауста” открыл новую страницу в узбекской переводческой теории и практике. О “Фаусте” Гете были написаны научные работы писателя Х.Гуляма (26), литературоведов В.Захидова (38), И.Гафурова (26), К.Азизова (3), Ш.Каримова (41), переводоведов Пошали Усмон Оглы (63), А.Аллаберганова (4), С.Якубова (104), Р.Абдуллаевой (1). В предисловии к трагедии “Фауст” писатель Х.Гулям пишет: “В произведении нарисован образ капитана по имени Линцей. В древней легенде повествуется о судне аргонатов, отправившихся в путь в поисках золота. Линцей был капитаном на этом судне: он увидел дальние привалы, которые другие не могут увидеть, его острый взгляд достигает глубины горизонта. Автор “Фауста” был таким же зрелым, в Европе, понимал сущность классовых противоречий в феодальной среде и поэтому смог по-настоящему описать свою эпоху и своих соплеменников, философски мудро” (26:5). Подчеркивая значение перевода “Фауста” на узбекский язык в нашей культурной жизни, Х. Гулям выразил надежду, что в ближайшие годы “Фауст” полностью будет переведен на узбекский язык. Узбекским читателям представилась возможность читать вторую часть “Фауста” в переводе талантливого поэта Э.Вахидова. Известный литературовед И. Гафуров внес определенный вклад в развитии гетееведения в узбекской литературоведческой науке в послесловии к трагедии “Фауст”. И. Гафуров тепло отозвался о переводчике Э. Вахидове, как о сформировавшемся искусном мастере и зрелом поэте. И.Гафуров пишет следующее: “Чтобы перевести такое гениальное произведение искусства, как “Фауст”, творец

должен быть мысленно и душевно зрелым на уровне этого произведения. Нужно действовать неуклонно в философических, духовных и художественных сферах произведения, т.е. его нужно совершенно сознать и переносить в него свою душу. Читая “Фауса” мы убеждаемся в том, что узбекский поэт пережил такой творческий психологический процесс, что нанес на бумагу не только содержание и форму произведения, но и следы души и разума Гете. Глядя на золотую посуду, созданную искусным разумом великого Гете, и очарованной ею, он /Э.Вахидов-С.Д./ создал его сияющую копия на узбекской земле. Следовательно, это – Эркин Вахидовская копия “Фауста” (26:390).

Оценка, данная переводчику литературоведом –ученым И.Гафуровым правомерна, так как “Фауст” Гете – очень сложное произведение, являющееся отражением шестидесятилетней эволюции художественного мышления поэта. Чтобы понять и перевести это произведение, нужно заглянуть в творческую лабораторию Гете, обладать зрелыми философскими воззрениями, иметь большие знания.

И.Гафуров в своих исследованиях впервые в узбекском литературоведении попытался дать характеристику главным героям трагедии Фауста и Мефисофеля, сумел раскрыть их духовную сущность. Этих двух героев характеризует так: “Фауст - ученый и философ: символ, находящийся в процессе творческого поиска и борющийся человек. В нем бьется разум и рассудок. Он является выдающейся личностью, которая в беспрестанном волнении увлечении стремится постичь систему вселенной и человеческую сущность. Мефистофель - дьявол в полном смысле слова. Все его поступки, слова, суждения – дьявольские. Он утверждает, что разум человека – ограниченный, человек обречен вечно тащиться по земле, жизнь дана ему как временный дар. Поэтому пока ты жив – предавайся наслаждениям, и этим завоевывает сердце Фауста. Мефистофель на самом деле не является дьяволом, он и есть совокупный образ отдельных групп людей, в котором воплощены их мысли и взгляды” (26:393).

Присоединяясь к И.Гафурову, полагаем, что человеку приходится вести борьбу против двух сил дьявола, живущего в

человеческой плоти, дьявольских сил вокруг себя. Мефистофель в целом не является, по нашему мнению, отрицательным образом. Он – средоточие двух сил, ведущих к созиданию и корыстолюбию. И человек, благодаря своему разуму, должен отличать эти силы друг от друга, не заблуждаться и, воплощая в себе его положительные силы, должен вести борьбу против сил, ведущих к корыстолюбию. И только в этом случае человек может идти в цели, приводящей к победам. Думается, именно эту мысль хотел выразить Гете.

Академик В.Захидов специально анализу подвергает произведения Гете в своем исследовании “Жахон бадиияти зарварақлари”. Высоко оценивая творчество Гете, автор пишет, что “Гете новатор, который прежде всего положил начало новому своеобразному периоду в истории культуры своего народа. Вместе с такими великими соратниками, как Лессинг и Шиллер, он обогатил непреходящими ценностями немецкую литературу.., поднял ее до мирового уровня, тем самым внес вклад в сокровищницу мировой художественной культуры” (38:520. Автор проанализировал поэтические и прозаические произведения Гете (“Гец фон Берлихинген”, “Прометей”, “Страдания молодого Вертера” и др.). Особенно подробно он останавливается на “Фаусте”. На основе текста обстоятельно прокомментированы история создания произведения, его содержание и основная идея.

Изучение мастерства переводчика, его достижений, своеобразия приемов стихотворного перевода, стиля, рифмы является сложнейшей задачей теории художественного перевода. Первым за воплощение этого замысла взялся ученый-переводовед Пашали Усман Оглы. Изучив в сопоставительном плане заербайджанский, казахский и русский варианты трагедии “Фауст”, он создал впервые узбекский филологический перевод “Фауста”, осуществленный с оригинала. В переводе П.Усман Оглы даны комментарии к научным, философским, религиозным, мифологическим понятиям, которые представляют определенные трудности для понимания. Этим мы ни в коем случае не хотим принизить узбекский вариант “Фауста” Э.Вахидова. Конечно, стихотворный перевод по многим параметрам превосходит филологический перевод, но,

несмотря на это, перевод П.Усмана Оглы дает возможность глубже проникнуть в творческую лабораторию Гете, глубже понять суть трагедии “Фауст” будущим узбекским интерпретаторам гетевского гениального творения.

Сразу после появления перевода “Фауста” П.Усмана Оглы опубликовал две научные статьи (“Журъати махоратига эш”, “Таржима ва талкин”), в которых он выразил свое отношение в русскому переводу Б.Пастернака и узбекскому переводу Э.Вахидова в связи со своим филологическим переводом трагедии “Фауст”. Исследователь отметил достижения и просчеты переводчиков путем вазимного сопоставления немецкого, русского, узбекского, азербайджанского и казахского вариантов произведения. Заслуживает внимания еще и то, что он раскрывает “перевод” не “переводом”, исходя из текста оригинала, а интерпретирует слова в каждой строке и научно комментирует их, сравнивая со своим переводами.

В этом плане примечательны рекомендации исследователя. Например: “Комментарии переводного произведения и интерпретации научных, философских, религиозных, мифологических понятий, непонятных самому читателю, служат для полного доведения смысла произведения до сознания читателя, во-вторых, это показывает уровень знания автором самого произведения” (63:184). Для примера приведем интерпретацию метафорического выражения “Äolsharfe”. “Äolsharfe” (“Эолова арфа”), переведенного не как “эол арфаси”, а как “сабо арфаси”. Эол – в древнегреческой мифологии является богом ветра. Арфа – струнно-ударный музыкальный инструмент. По преданию, когда ветер ударяет по арфе, то она начинает издавать нежные звуки. Переводить “эол” словом “сабо” (“тонг ели”), по нашему мнению, не следует. Так, в переводном тексте на азербайджанский язык используется словосочетание “эол арфаси” и дан комментарий к данному сочетанию; а в казахском варианте соответствующее сочетание вообще отсутствует, и ни слова не говорится об этом (63:184).

В действительности, каждое произведение является творческим продуктом представителя определенной нации, поэтому в оригинальном произведении встречаюся упоминания

о своеобразных национальных обычаях, традициях, реалиях, терминах, стихотворный стиль, рифма, ритм и другие качества, отличающиеся от других национальных традиций. А это, в свою очередь, обязывает переводчика ко многому. Переводчик должен уметь находить максимальное соответствие этим качествам, воссоздавать в переводе национальный колорит оригинала во всей полноте. В этом плане мы присоединяемся к мнению исследователя.

В статье “Перевод и интерпретация” П.Усман Оглы размышляет о некоторых терминах, религиозных понятиях и названиях, реалиях, а также о пояснениях /толкованиях/ отдельных мифологических понятий, встречающихся в трагедии “Фауст”, Гете и их в переводе. Такие религиозные понятия, как “Олимп”, “само кўриқчилари”, “Азроил”, “Жоброил”, “Микоил”, “Исрофил”, “Мефистофель”, “магистр”, “доктор”, “фойерваген”, “остерфест”, “Новый завет”, “in Sankt Andreas Nacht” пояснены исследователем научно и указаны ошибки переводчика в процессе перевода. “Достоинство перевода измеряется сохранением национального колорита в нем”, - подчеркивает исследователь.

Успехи народного поэта Э.Вахидова несравнимы, но нам думается, что критические замечания переводоведа П.Усман Оглы, его филологический перевод должны быть учтены в будущих изданиях трагедии “Фауста”.

В формировании гетеведения в узбекском литературоведении определенный вклад внес А.Аллаберганов – специалист по немецкой филологии, переводовед, исследователь узбекского варианта “Фауста”. На основе узбекского варианта трагедии “Фауст он” написал содержательную и зрелую в научном отношении диссертацию “Воспроизведение единства содержания и формы подлинника в поэтическом переводе”. В научных сборниках он опубликовал такие статьи, как “Фауст” таржимонинг новаторлиги”, “Фауст” трагедиясидаги баъзи фалсафий йўналишларнинг Э.Воҳидов таржимасида берилиши”, “Маҳорат мезони”.

Как известно, одной из самых важных проблем поэтического перевода является правильная передача единства содержания и формы оригинала. Это требует, в свою очередь, от

исследователя знания в совершенстве тайн поэтического искусства как Запада, так и Востока. В этом отношении избранное научное исследование представляется актуальным. Путем сопоставления русского, татарского, казахского и узбекского вариантов “Фауста” с оригиналом исследователь демонстрирует достижения переводчика в воссоздании на языке перевода единства содержания и формы, философских идей, интерпретации главных образов поэтического произведения. Было бы целесообразно учесть высказанные исследователем пожелания в предстоящих изданиях “Фауста”.

Литературовед Ш. Каримов в своей книге “Диллардан дилларга” останавливается на творчестве Гете, особое внимание уделено его трагедии “Фауст”. Размышляя о содержании и идее трагедии и признавая то, что переводчик с большой ответственностью и мастерством создал узбекский вариант “Фауста”, исследователь как специалист указывает на некоторые недостатки, которые можно считать очень показательными. Эти недостатки можно разделить на три группы:

а) перевод пословиц и афоризмов: “Хамир учидан патир”, “Ўзига бек – ўзига султон”, “шодликдан дўппилар учди осмонга”;

б) перевод реалий: “карвон, дўппи, кушной, меш, кози, кабоб, пир, мурид”;

в) использование множества арабских, персидско-таджикских слов для передачи исторического колорита “воиз”, “масихи акрам”, “бозингар”, “тасхир”, “акто”, “мушаккал” и др.

В процессе перевода переводчик действительно довольно часто использует слова и выражения, относящиеся к образу жизни восточных народов и не соответствующие образу жизни немецкого народа. И это, естественно, вводит читателя в заблуждение. Значит, переводчик должен воссоздать средствами языка перевода оригинальность языка переводимого произведения. И только тогда мы можем понастоящему почувствовать самобытность других народов.

Среди рассмотренных нами исследований узбекских литературоведов и теоретиков художественного перевода имеется работа, в которой содержится много фактических

ошибок и не всегда верные толкования творчества Гете. К таким работам можно отнести диссертационную работу С.Б.Якубова на тему “К проблеме взаимовлияния и взаимообогащения литератур (на основе материалов литературных связей Узбекистана и ГДР в 1960-1975 гг.)”.

Введение работы С.Б.Якубова носит описательный характер. Бросается в глаза небрежность в оформлении диссертации, в содержание которой вкрались непростительные для исследователя ошибки, промахи. Так, например, искажены названия произведений Гете: “Юго-западный диван Гете”, или же “Страдания юного Вертера” (с.21) и т. д. Почему-то “Страдания молодого Вертера” отнесено автором к поэзии, а не к прозе. Далее С.Б.Якубов пишет: “Первые попытки перевода делает писатель (?) М.Шейхзаде. Благодаря ему узбекский читатель получил возможность читать отрывки (?) из романа (?) “Юго-западный диван” (с- 82) (курсив-С.Д.). Или же: “Имеются разные варианты перевода произведения Гете”. Какие именно??? Одним из лучших, по нашему мнению, переводов следует считать работу (?) Эркин Вахидова (1972-74 гг.)” (с. 82). Где же сравнение, если есть другие переводы произведений Гете на узбекский язык? Затем следуют интерпретации и анализ переводного текста: “Видное место в творчестве Гете занимает античная тема (?). Действие в трагедии начинается с “Пролога на небесах”, где выражена основная идея (?) Произведения. Пролог открывается торжественным гимном природы (?). Это действие очень близко к оригиналу переведено на узбекский язык” (с. 83). Для подтверждения своей мысли автор приводит следующий пример:

Сўнги кўшиқларим эштолмади
Китобим илк бобин тинглаган дўстлар,
Букун ул даврандан ҳеч ким қолмади,
Қайлардадир сўнди илк мақтов сўзлар,
Бебахралар фикрин ҳеч йўқ қиммати,
Олқиш дилимга солади қўзлар.
(В оригинале; Олқиши дилимга солади музлар)
Ул хассос зарифлар йиғди бу замон
Кимсасиз йулларда бесару сомон.

(Перевод Э. Вахидова)

В этом примере, - говорит автор, - узбекские слова “олкит” (?) “Билинган” (?) эквивалентны немецким “der Beifall” и “die Herzen” (с. 84). Как видно, отрывок взят не из “Пролога на небесах”, а из “Посвящения”. Кроме того, этот пример не отражает мысли автора и содержит много орфографических погрешностей (олкит, Билинга, кўзлар и т. д.). “Узбекский переводчик точно (?) перевел произведение Гете на узбекский язык. Понимая сущность трагедии, он бережно сохраняет колорит (?) оригинала. В этом можно убедиться на примере следующего отрывка:

Und schnelle und unbegreiflich schnelle
Dreht sich umher der Erde Pracht
Ақл бовар этмас суръат-ла замин
Махвар даврасида чарх ураётгир...

“Э.Вахидов точно перевел словосочетания “денгизлар” (?), “курраи олам” (?) – “das Meer” – “море”, “der Spharenlauf” – “в беге сфер”, близким к оригиналу как по форме (?), так и по содержанию (?)” (с. 86). Везде повторяется одна и та же мысль: «Э.Вахидов точно понял замысел трагедии и точно перевел» и т. д. Нет никакой интерпретации и переводческого анализа отрывка. “В 1975 году узбекский читатель получил возможность прочитать повесть (?) “Страдания юного Вертера”. Автор при сравнении отрывка из оригинала и переводного текста приводит только лишь два три слова. Так, например, “В этом отрывке слова “Himmel” и “Erde” эквивалентно переведены на узбекский язык словами “сомон” и “ер”. Ведь немецкие слова “Himmel” и “die Erde” невозможно перевести по-другому. Вот такими предположениями почти везде завершает С.Б.Якубов свои выводы. В работе говорится об отличии узбекского языка от немецкого, но нигде автор не раскрывает на примере это отличие. Например: “В узбекском языке нет категории рода, а в немецком и русском языках эта категория есть. Поэтому в узбекском языке необходимо находить слова, которые могли бы передать дух оригинала” (а где пример ???) (с. 108). Далее говорится: “Ещё одной отличительной особенностью является

то, что в немецком языке есть система (?) артиклей, которой нет в узбекском языке. Передача артикля не представляет затруднения (?), но передача звучания (?) неопределенного артикля в подборе соответствующих ему форм очень затруднительна... “da dir es wohl war wie einem Fisch im Wasser”... Узбекский перевод звучит так: ..., - худди сувдаги балиқдек эркин яшардим. (- Я жил, как рыба в воде, ...) Переводчица, несмотря на межъязыковые трудности (?), точно перевела. Слова “der Fisch” и “das Wasser” относятся соответственно к мужскому и среднему роду в немецком языке. В русском языке эти слова относятся в женскому роду: “рыба” и “вода” (с. 109). Как видно, мысль автора не подкрепляется приведенными примерами. Между прочим, фразеологическую единицу “wie einem Fisch im Wasser” не следует рассматривать пословно. Переводчица была ближе к тексту оригинала, она нашла в узбекском языке полноценный эквивалент немецкой фразеологической единицы, переводя ее как “худди сувдаги балиқдек”.

В заключении почти не говорится о переводах произведений Гете. Словом, автор диссертации проанализировал переводы произведений Гете поверхностно.

Великий мастер слова как в прозе, так и в поэзии И.В. Гете был знаком узбекскому читателю только лишь поэтическими произведениями. В 1975 году издательство литературы и искусства им. Г.Гуляма предложило узбекскому читателю роман Гете “Страдания молодого Вертера”. Этот сентиментальный роман был переведен непосредственно с немецкого языка на узбекский язык Я.Эгамовой (27), которая много сделала для популяризации и художественного истолкования Гете.

Перевод романа Гете “Страдания молодого Вертера” на узбекский язык послужил открытию новой странице изучения творчества Гете в узбекском литературоведении. Он был тепло встречен литературоведами и переводоведами. Появились научные статьи Ш.Каримова, У.Сатимова, М.Абдурахманова.

В статье У.Сатимова “Илк таржима - илк тажриба” (81:118) говорится о превосходстве непосредственного перевода над опосредственным. Автор, продемонстрировал успехи

переводчика на основе сравнения конкретных примеров на немецком и узбекском языках. Проанализировав мастерство переводчика, исследователь отмечает следующее: “Чтобы отразить в переводе в соответствии с оригиналом настроения и страсти-душевное состояние, переводчик сумел найти слова и словосочетания, выражающие иронию и аллегории, радость и веселье, скорбь, задумчивость, гнев и боль сердца” (81:102). Переводчик перевел роман на узбекский язык с большим мастерством и вкусом. Но исходя из соображения того, что любого произведения не может быть лишен недостатков, считаем уместным указания на недостатки, содержащиеся в статье. Ибо термин “адекватный перевод” – понятие относительное.

В 1974 году в восьмом номере журнала “Гулистан” была опубликована статья ученого-переводоведа, проф. Г.Т.Салямова “Хафиз ва Гете”. Эта статья впервые открыла широкому кругу читателей новые, неизвестные узбекскому читателю грани в творчестве Гете. В статье подчеркивается взаимная схожесть, общность творчества Хафиза Ширази и Гете, а также отношение Гете к литературе и искусству других народов. Об этом говорит проф. Г.Т.Салимов следующее:” Гениальный мыслитель (Гете – С.Д.), восхищаясь общностью немецкой и персидской литератур, материальной и моральной жизнью, а также понятиями персидского и немецкого народов, говорит не только об очевидных различиях двух наций, двух литератур, или даже вообще об общих идеях восточной и западной литератур, но и стремится изучать общие признаки, свойственные всем народам и литературам мира общие законы развития, связывающие их друг с другом” (77). И на самом деле, изучая творчество Гете, мы убеждаемся в правоте нашего наставника Г.Т.Салямова.

Интереснейшей страницей в освоении Гете в Узбекистане является перевод “ЗВД”, который представляет наибольший интерес для узбекских переводчиков, многие стихотворения из книги Гете переведены, стали достоянием узбекского читателя. И это не случайно. Ведь ни в одном произведении нет такой конкретности, такого проникновения в дух Востока, как в “ЗВД”. Восточные мотивы, образы и сюжеты, стилевая манера

Гете, автора “Дивана” – все это особенно близко узбекскому читателю.

Первый перевод стихотворения из лирического цикла “ЗВД”, как мы отмечали выше, принадлежит перу прекрасного поэта-переводчика М.Шейхзаде. Об истории создания, содержания и идее известного “ЗВД” поэт М.Шейхзаде пишет: “Сила притяжения “Западно-восточного дивана” заключается в том, что в нем созвучны страстная любовь и глубокая философская мысль. Эти стихотворения содержат прекрасные, наполненные смыслом соображения о месте поэта в обществе, о любви, жизни и народе. В отличие от деятелей искусства Европы того времени, которые с пренебрежением относились к народам Востока, Гете очень высоко ценил поэзию и человеческие достоинства этих народов”. Действительно, изучая данное четверостишие из книги “Хикматнаме” говорится:

Gestehts die Dichter des Orients
Sind größer als wir des Okzidents.
Worin wir sie aber völlig erreichen,
Das ist im NaB auf unsresgleichen.
(117:240).

Эътироф эт, экан ўлканрок
Шарк шоири гарбликдан, бирок
Тенг эканмиз бир хисда фақат
Бир хил экан биздаги нафрат.
(Перевод С.Салимова, “Ўқитувчилар газетаси”, 1989 йил 9 декабрь)

М.Шейхзаде на протяжении многих лет совершенствовал свое мастерство. Его поэтической натуре оказалась особенно близка гетевская поэзия. Он проникся горячей, страстной любовью к Гете, сумел почувствовать и воспроизвести на родном языке нерв гетевской лирики. М.Шейхзаде, на наш взгляд, сумел приблизиться к оригиналу – к его ритму, стилю, поэтическим образам, языку; сумел передать в своих переводах восточный колорит, философскую глубину “ЗВД”. Вслед за

стихотворением “Хиджра” последовали переводы других произведений Гете из лирического цикла “ЗВД”.

В творческий соревнования с устом М.Шейхзаде вступал Н.Мухаммадиев, который перевел стихотворение “Четыре стихи”. И Шейхзаде, и Мухаммадиев прибегли к языку-посреднику, использовали русские переводы “Дивана” Гете.

Наряду с переводами осуществленными с русского текста, появились и переводы непосредственно с оригинала. Поэт-переводчик и специалист по немецкому языку С.Салимов впервые перевел из цикла “ЗВД” с оригинала /70:72/. Его перевод стихотворения “Впуск” можно считать наиболее удачным. Но обратимся непосредственно к различным переводам, чтобы выяснить, насколько узбекским переводчикам удалось приблизиться к оригиналу, попытаемся выяснить, кто из узбекских поэтов-переводчиков дал возможность узбекскому читателю проникнуть в поэтический мир Гете, автора “Дивана”.

2.2. Некоторые проблемы перевода “Западно-восточного дивана” Гете на узбекский язык

Если Гете отправился в мысленное путешествие по Востоку, как мы отметили выше, взяв своим поводырем Хафиза, который помогает ему понять чужую культуру, обычаи и нравы народов Востока, душу народа, то в поэтический мир самого Гете читатель, который не знает немецкого языка, попадает благодаря поэту-переводчику. Именно переводчик становится проводником, который приобщает людей разных национальностей к сокровищницам мировой культуры, прокладывает дорогу в новый мир, помогает открыть “окно в другой мир” (А.Федоров).

Как известно, переводчику, чтобы понять склад мышления поэта, творческую индивидуальность, необходимо досконально изучить не только творчество, но и эпоху, в которую жил поэт, его страну. Поэт-переводчик это еще и ученый, исследователь, обладающим солидным научным багажом, стремящийся приблизить к читателю иноязычного поэта.

Художественный мир Гете, созданный им в “Диване”, для узбекских переводчиков “знакомый незнакомец”. Чтобы понять поэтический шедевр – “ЗВД” – им не надо было “отправиться в страну поэта”, потому что они дышат этим воздухом, они воспитаны на восточной культуре, на высоких образцах культуры Востока. Так, для М.Шейхзаде и С.Салимова войти, проникнуть в “свой-чужой” мир, думается, было легче, нежели иному западно - европейскому переводчику.

Для узбекских переводчиков поэтический мир Гете, автор “ЗВД” родной и близкий, и потому “врастание”, “вхождение” в него было для них органичным и естественным, в силу того, что для узбекских переводчиков Восток – не экзотика, а родная стихия. Именно поэтому передать восточный дух, атмосферу “Дивана” им было легче, чем, допустим, Э.Вахидову, известному переводчику “Фауста”.

Узбекским переводчикам, живущим в этой культуре, не представляло особой сложности “расшифровать” те или иные “темные места” в “ЗВД”, например, коранические мотивы, суфийские идеи, которые получили у Гете своеобразную трактовку.

И все же “Диван” Гете представляет собой, как мы попытались показать в предыдущей главе, “необычайно широкий образ мыслей”, его западное восприятие, западное мироощущение. Гете, который осваивая Восток, остается немецким поэтом, не случайно он нередко прибегает к художественным приемам, средствам, которые характерны для западно-европейской поэзии.

Приступая в работе над “Диваном” к переводу стихотворений, вошедших в лирический цикл, узбекским переводчиком предстояло понять и воспроизвести многогранность, емкость и философскую глубину гетевского стиха. Притом знание культуры, обычаев восточного народа, атмосферы, духа Востока не всегда является залогом успеха переводчика, не всегда приводят к адекватному переводу. Нужно еще, чтобы переводчик обладал незаурядным талантом, который бы позволил подняться ему поэтическую высоту.

В этом мы можем убедиться обратившись к сопоставительному анализу различных переводов стихотворений Гете из книги “ЗВД”.

Одна из самых замечательных и одновременно сложных произведений Гете считается “Хиджра”, которым открывается “Диван”. Это стихотворение играет важную роль в структуре лирического цикла, постижении идейного замысла поэта. Оно важно поэтому, что задает тон, определенный настрой всей книге Гете, помогает войти в мир образов и поэтических мотивов. В нем содержится “ключ” ко всему произведению.

К переводу стихотворения “Хиджра” обратились в свое время двое переводчиков – М.Шейхзаде и С.Салимов, и каждый из них создал свой вариант перевода, дал свою интерпретацию стихотворения Гете. Если С.Салимов перевел “Хиджра” с оригинала, то М.Шейхзаде прибег к языку-посреднику, к русскому переводу, выполненного талантливым мастером художественного перевода, В.Левиком.

Переводя стихотворение “Хиджра” с русского текста В.Левика, М.Шейхзаде разъясняет слово “Хиджра” следующим образом: “По сути дела Гета назвал свое стихотворение арабским словом “хижрат” (кучиш-переезд). Здесь имеется в виду событие 622 года, когда пророк Мухаммед совершил побег из Мекки в Медину. Гете старается сравнивать свое настроение 1788 года с содержанием этого стихотворения, когда он убежал от гнетущей среды Веймара.

По нашему мнению, примечание поэта М.Шейхзаде о связи стихотворения “Хиджра” с поступками пророка Мухаммеда верно, но не верно то, что он связывает этот “побег” с путешествием Гете в Италию. Путешествие по Италии является реальным, имевшим место в действительности. Но речь идет об аллегорическом путешествии на Восток, которое совершил поэт в своем воображении.

Гете писал, что стихотворение “Хиджра” “дает достаточное знание смысла и намерения целого”. Поэт смотрит на себя как на путешествующего. Вот он уже прибыл на Восток. Его занимают нравы, обычаи, предметы, религиозные мнения и убеждения, и он не отводит от себя подозрение, что и сам он –

мусульманин. В такие всеобщие отношения внесено и его собственное поэтическое творчество...” (33:456).

Гете подчеркивал, что в первом стихотворении, открывающем “Диван”, он стремится в поэтической, образной форме передать смысл всей книги, выразить нечто всеобщее: это жизнь, которая не стоит на месте, вечно в движении, это жизнь людей в мире, это и сам поэт, который несет миру богатство своей души. Для людей поэт “приберег целый мир роскоши и красоты”, его слово “вечно ново”, оно “бессмертно”, а потому бессмертно и имя поэта.

Стихотворение имеет рифму в форме месневи (стихотворная форма с парной рифмовкой за, бб, вв и т. д.) и состоит из семи шестерок, всего сорок два полустушия, т.е. двадцать два бейта (два полустушия составляют бейт).

Первые две строки звучат так:

Nord und West und Süd zersplittern,
Throne bersten, Reiche zittern
(117:193).

Русский переводчик В. Левик (33:6), а вслед за ним и М. Шейхзаде (98), точно воспроизводят в первом двустишии не только ритмический рисунок, но и словесную фактуру оригинала. В переводе В. Левика гетевские строки звучат так:

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали
У М. Шейхзаде:
Бузилди ғарб, жануб ва шимол,
Тахту тожлар бўлди поймол!
У С. Салимова (28:120):
Тахтлар кулаб, не таажжуб
Хароб Шимол, Мағриб, Жануб.

Как мы могли убедиться, что переводчик С. Салимов идет на нарушение, перестановку фраз, стихотворных строк.

Начало стихотворения, говорят, - вход в эмоциональное русло. У Гете с первых же строк идет противопоставление,

возникает контрастная картина двух миров. Происходит разрушение, падение основ бытия у одних, где произошло утрата идеала, духовного начала. Поэт ищет духовную, нравственную опору в другом мире, на Востоке. Первые строки у Гете написаны в приподнятом, динамичном и ритмико-интонационном ключе. Это мощное начало гетевского стихотворения точно передано в русском переводе В. Левика и в узбекском тексте М. Шейхзаде.

Перевод С. Салимова, на наш взгляд, менее удачен. В данном случае важно было стихотворение точности в передаче словесной фактуры. Узбекский переводчик не только прибегает к перестановке стихотворных строк, но меняет стилистическую окраску, звучание стиха. Более того, он вводит слова, которых нет в оригинале. Так, например, слова “таажжуб” – удивление, удивительный, изумление меняет характер, стилевую тональность – исчезает гетевская интонация, а вместе с ней картина разрушения становится не столь впечатляющей, как у Гете. Стремительность и динамичность начальных строк у Салимова сменяется спокойным, сдержанным синтаксическим строем.

Следующие строки у Гете авучат так:

Flüchte du, im reinen Osten
Patriarchenluft zu kosten

В переводе В. Левика эти строки близки к оригиналу и по смыслу, и по интонации.

На Восток отправься дальний,
Воздух пить патриархальный.

У М. Шейхзаде сохраняется сходный интонационно - смысловой рисунок Узбекский переводчик, хотя и воспринял у своего русского коллеги его поэтический строй, во многом следует за ним, но это не означает, что он выступает как подражатель, копирующий стилевую манеру В. Левика. М. Шейхзаде выступает прежде всего как талантливый поэт-переводчик, который имеет свое лицо, свою неповторимую поэтическую индивидуальность. Он самостоятелен и оригинален, сохраняет самобытность, перевод стихотворение

“Хиджра” на узбекский язык. Уже разбивкой стихотворной строки, следующей за двумя первыми, М. Шейхзаде стремится предать стиху большую выразительность, смысловую наполненность, стремится к большей эмоциональной напряженности, делая акцент на последнем слове в строке, ставя восклицательный знак. И хотя в стихотворении Гете и в русском переводе восклицательные знаки отсутствуют, но, думается, эти “неточности”, которые мы обнаруживаем у М. Шейхзаде, оправданы тем, что самим ритмико-интонационным строем, патетичностью и эмоциональностью, страстностью и темпераментом узбекский переводчик сумел передать романтический дух гетевского стихотворения.

Сен йирокка, кун чиқарга бор!
Унда кўшиқ, севги бор, май бор...
У табарук хавони шимир,
Ва бошлагин янгидан умр!

Хотя М. Шейхзаде вместо слова “патриархальный” выбирает другое – “табаррук” – священный, но оно не создает впечатление некоторого сбоя, искажения смысла гетевского произведения. Он не “насилует” родной язык. Слово “патриархальный” в том значении, в каком оно употреблено у Гете означает “древний”, “воздух предков”, т. е. “первозданный”, само слово “патриархальный” чуждо узбекскому читателю, поэтому закономерно, что М.Шейхзаде, обладая великолепным поэтическим чутьем, дает эквивалент этого слова, сохраняя при этом смысл оригинала.

В переводе С.Салимова отсутствует не только слово “патриархальный”, но и слово “flüchte” – бегство, бежать. Вместо этого появляется слово “хижрат” – переселение. С одной стороны кажется вполне оправданной замена слова “бегство” другим – “переселение”, ведь и название стихотворения Гете – “Хиджра”. Но как меняется от этого тональность всего стихотворения. Думается, что в данном случае слово “хижрат” неуместно. Ведь перед нами типично романтический герой, который порывает с ненавистной ему средой и бежит, именно бежит, а не переселяется в чистый, первозданный, патриархальный мир. Слово “патриархальный” у

Гете играет важную роль. Почему патриархальный, да потому, что древний, первоначальный, в котором сохранились еще духовные ценности. В этом мире еще сохранилась чистота и красота в том первоначальном, исконном виде, как в первый день сотворения мира. И словам “патриархальный” Гете подчеркивает эту мысль. Но если у Шейхзаде в подтексте звучит та же мысль, то у С. Салимова пропадает важная гетевская идея. Начальные строки, написанные в ином интонационном ключе, повлекли за собой изменение и смысловое. Картина разрушения у С. Салимова ослаблена, так как отсутствуют динамичность, стремительность синтаксического строя, которая сменяется спокойным, сдержанным и более нейтральным тоном.

Flüchte du, im reinen Osten
Patriarchenluft zu kosten,
Unter Lieben, Trinken, Singen
Soll dich Chisers Quell verjungen.
(117:193).

Шаркка хижрат эрур вожиб
Покиза ишк, маю мутриб
Ҳам чашман ҳаёт равон:
Умри боқий – умри жавон.
(Перевод С. Салимова)

Как видим, совершенно меняется философский смысл стихотворения, когда переводчик не пытается вникнуть, разрушает смысловое, словесное ядро, из-за чего меняется вся картина, исчезает органическое единство формы и содержания.

Лирический герой Гете отправляется на Восток, чтобы там “жить и пить воздух патриархальный”, чтобы стать юным и бессмертным, как пророк Хизр. Гете нашел этот образ в одной из газелей Хафиза:

Heil sei Rocknabad, des klare Welle
Ward Cheser's ewiger Jugend Lebensquelle.
(Перевод Ф. Боденштедта).
И творцом стократно будь благословен,
Нам потоки Хизра льющий Рукнабад.
(Перевод К. Липскерова).

Легенда гласит, что пророк Хизр путешествовал во мраке и нашел там источник живой воды. Отпив глоток, он стал бессмертным.

Хафиз придал этой легенде другую окраску. Он считает, что не нужно искать источник жизни во тьме, надо искать его на земле, а именно в Ширазе, где протекает река Рукнабад. Гете истолковал эту легенду по-своему:

Unter Lieben, Trinken, Singen
Soll dich Chiser's Quelle verjungen (117:193).

В край вина, любви и песни
К новой жизни там воскресни

(Перевод В. Левика).

Сен йирокка, кун чиқарга бор!

Унда қўшиқ, севги бор, май бор...

У табаррук ҳавони шимир

Ва бошлагин янгидан умр.

(перевод М. Шайхзаде).

В краю вина, любви и песни,

Должен тебя омолодить источник жизни Хизра.

(Подстрочный перевод).

Куйла, севгин, қилгин кайф-сафо

Ҳизр чашмасила бўларсан ёш яна.

(Оба подстрочника - наши).

В русском переводе не упомянут Хизр, что должно вызвать у читателя широкий круг ассоциаций. Эта ошибка повторена и в узбекских переводах. И хотя переводчики, я имею в виду русского переводчика В. Левика и узбекских переводчиков М. Шейхзаде и С. Салимова, передали общий смысл, заключенный в слове “Хизр” – источник жизни, который может омолодить, но читателю неискушенному, незнакомому с оригиналом, трудно понять глубокий смысл, заложенный в словах В. Левика: “к новой жизни ты воскресни”, а у М. Шейхзаде: “Ва бошлагин янгидан умр”, у С. Салимова: “Ҳам чашмаи ҳаёт равон: Умри боқий – умри жавон”.

Читателю остается непонятным, что это за “источник жизни”, который воскресит, омолодит. Ведь эти слова употреблены не в прямом, вернее не только в прямом, но и в

переносном смысле. Поэтому слово “Хизр”, думается, необходимо интерпретировать в тексте.

Следующие шесть стихотворных строк у Гете звучат так:

Dort in Reinen und im Rechten
Will ich menschlichen Geschlechten
In des Ursprungs Tiefe dringer,
Wo sie noch von Gott empfangen
Himmelslehr in Erdesprachen
Und sich nicht den Kopf zerbrachen (117:193).

У. В. Левица:

Там, наставленный пророком,
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с богом,
Обретал без мук, без боли
Свет небес в земном глаголе.

У М. Шейхзаде:

Пайғамбарнинг дуоси ила,
Қайт аслингга, руҳингни сийла!
Унда доно сўзлик одамзод –
Дунё фъелин ўтаб беқайғу,
Осмоннинг нурин топар у.
У ерда бордир поклик ва қонун,

Шу аснода сўзлайин инсон наслидан
Қадим пайдо бўлиш даври, аслидан
Бўлишгандилар тангри суҳбатида
Ечишдилар коинотнинг сирларин
Бош қотмасдан оддий замин тилида.
(Подстрочник наш).

Гете говорит следующее: “Там (на Востоке-С. Д.) имеются совесть и закон. На основе этого я хочу проникнуть к истокам рода человеческого и рассказать о нем. Эти люди беседовали с Богом, они разгадали тайну небес на простом земном языке, не ломая голов”.

При переводе данного стихотворного отрывка В. Левик допустил, на первый взгляд, вольность, внося несколько дополнений: “наставленный пророком”, “душа”, “смертный”,

“свет”, которых нет в оригинале. При поверхностном чтении, анализа может показаться, что переводчик отступил от оригинального текста, вводя слова и выражения, которых нет в немецком тексте. Так, например, слово “смертный” означает существо, которое смертно, то есть обыкновенный человек, который беседует с богом. У Левика выражение “наставленный пророком” появляется не случайно, оно помогает читателю понять, что беседу смертный не может вести с пророком, с Богом или Аллахом как равный. Именно Бог, Аллах наставляет на путь истинный человека, помогает разгадать, постигнуть тайну небес, поэтому у В. Левика мы читаем: “обрел без мук, без свет небес”. Но почему же “в земном глаголе”? “Глагол” от слова “глаголить”, то есть говорить.

Вспомним пушкинские строки: “Глаголом жги сердца людей”, поэтому выражение, словосочетание “заменой глагол” очень точно воспроизводит текст оригинала. А выражение “не ломая головы” означает “с легкостью, без труда, без мук”. Как видим, В. Левик не допускает в данном случае отклонений от подлинника, а близок к оригиналу. Передав поэтическое очарование гетевских стихотворных строк. Следуя за В. Левиком, М. Шейхзаде оставил эти “дополнения”, в результате приблизился к оригиналу, соблюдая точность, изящество и лаконичность поэтического языка Гете.

Himmelslehr in Erdesprachen
Und sich nicht den Korf zerbrachen.
(117:193).

Обретал без мук, без боли
Свет небес в земном глаголе.
(перевод В. Левика).

Дунё фъелин ўтаб бекайғу
Осмоннинг нурин топар у.
(Перевод М. Шейхзаде).

Ечишдилар коинотнинг сирларин
Бош қотмасдан оддий замин тилида.
(подстрочник наш).

Тайну небес на земном языке решали,
Не ломая голову свою.
(Подстрочник наш).

М. Шейхзаде смог передать в перевод содержание подлинника и даже отразить особенности перевод - посредника. С. Салимов еще дальше отходит от оригинала в следующих шести стихотворных стихах, вводя слова, которых нет в тексте Гете.

Хайратланма, унда пайдо
Насли одам, насли дунё.
Муножоти бани башар
Хак кабули бўлса агар,
Тўлиб Инсон зиё билан
Сухбат этса само билан.

Если слово “хайратланма” представляется нам неважным, непомогающим выявит философский смысл стихотворения, то слова “муножоти” и “само” переводят содержание стихотворения в мистический план в духе суфийских представлений “Сано” – это не просто небеса, а скорее всего постижение бога, слияние с Богом благодаря радению, молитве, обращенной к Богу. Эти слова прямо указывают на источник философских воззрений Гете, автора “Дивана”.

У Гете эта мысль звучит в завуалированной форме, в подтексте. У В. Левика и М. Шейхзаде в данном случае большую роль играет контекст, только в целом поэтическим содержании шести стихотворных строк передан смысл, но зато сохранены при этом важные элементы: словесно-интонационный рисунок, ритмика и мелодика строк. И важно отметить, что и сам Гете, который большое значение придавал языку иносказаний, языку намеков, часто прибегал к нему в “Диване”. В. Левик и М. Шейхзаде стремятся передать многозначность, многослойность поэтического слова, сохранить ту внутреннюю энергию слова, которая так четко проступает в стихотворении Гете “Хиджра”.

Но в пятом четверостишии оригинала имеются такие словосочетания, как “das Maultier”, “die Sterne zu erwecken”, которые неточно воспроизведены в переводе. Слово “das Maultier” передано на русский как “верблюд”, а не “мул” (57:578). В обоих переводах “мул” стал “верблюдом”. Но если эту вольность можно допустить, то согласиться с переводом следующего стихотворного отрывка, словосочетания нельзя. Словосочетание “die Sterne zu erwecken” передано В. Левиком

так “чтобы звезды задрожали”, как будто от испуга, и у читателя создается впечатление, что они дрожат от пения. Гете выбрал глагол “erwecken”, означающий не “задрожать”, а “будить, разбудить”. По мнению Гете, от пения газелей Хафиза даже звезды пробуждаются, становятся ещё ярче, а от испуга могут разбежаться разбойники:

Bösen Felsweg auf und nieder
Trösten, Hafis, deine Lieder,
Wenn der Führer mit Entzücken
Von des Maultiers hohen Rücken
Singt, die Sterne zu erwecken
Und die Räuber zu erschrecken.
(117:194).

Где тропа тесней, отвесней,
Разгони тревогу песней,
Грянь с верблюда что есть мочи
Стих Хафиза в пропасть ночи,
Чтобы звезды задрожали,
Чтоб разбойники бежали.
(Перевод В. Левика).

Юрсанг тикка сўқмоқ йўлда кеч,
Лапар айтгин, ташвиш тортма ҳеч
Нортуянгни хайдаб баралла –
Тунда Ҳофиз ғазалин куйла
То юлдузлар қимирлаб ларзон,
Қароқчилар қочсинлар сарсон.
(Перевод М.Шейхзаде).

Кўрқинчлидир қоя йўллар баланд паст
Эй Ҳофиз, ғазалларинг овулар бизни бас,
Хачирли йўловчи завқу шавқ билан
Куйласа ғазалинг самимий дилдан
Тун ҳам ёришар, юлдузлар порлар,
Кўрқинчдан қароқчи ҳам равона бўлар.
(Подстрочник наш).

Однако и В. Левик и М. Шейхзаде передали романтический дух произведения Гете, сумели отразить душевные переживания лирического героя, ощутить образность, мелодию и форму стихотворения и воспроизвели их в переводе.

Перевод М. Шейхзаде по мастерству передачи можно считать адекватным тексту на русском языке, независимо от того, что повторены те же ошибки, что в русском переводе.

Следующие отрывки из гетевского стихотворения у С. Салимова переданы точно. Если В. Левик и М. Шейхзаде вместо “мул” – “хачир” переводят – “верблюд”, то С. Салимов воспроизводит содержание гетевских стихотворных строк верно. Зато последние строки стихотворения “Хиджра”, в которых заключен важный смысл, переводчик переводит неточно, отступая от оригинала там, где необходимо с наибольшей полнотой и точностью воспроизвести авторскую мысль. С. Салимов опускает слова “вечность”, “бессмертие”, “постучать”. Сравните:

Immer Leise klopfend schweben
Sich erbittend ewges Leben.
(117:194).

Етгай шоир пайгамлари
Мангу колгай каломлари.
(Перевод С. Салимова).

В этих прекрасных значительных строках стихотворения “Хиджра” выражена философская мысль поэта: о месте человека в мире, о смысле человеческого бытия, о бессмертии, о поэте и поэзии.

Переводчику важно проследить и воссоздать ход философских размышлений, раздумий Гете, верно передать в форме торжественно-приподнятый и одновременно жизнерадостный, и в конце – задушевно-камерной ноте.

Переводчик С. Салимов, несколько упрощая, не воспроизведя всей многослойности, философской сложности и емкости содержания стихотворения “Хиджра”, на наш взгляд, сумел уловить пафос стихотворения.

Изумительна находка русского переводчика В. Левика, который рисует поэтически образную картину на резкой смене двух стилевых потоков: сначала он прибегает к патетически-возвышенному стилю, к высокому слогу, используя абстрактные существительные. Уже в самом подборе слов подчеркивается всеобщность, обобщенный характер воссоздаваемой картины: “обитель”, “предверье”, “рай”, “бессмертье”. Затем происходит

неожиданное резкое снижение патетики, на смену торжественному, возвышенному стилю приходит задушевно-лирический образный строй. Обобщенная, абстрактная картина сменяется конкретно-реалистической, зримой.

Возлетит к предверью рая,
Там тихонько постучится
И к бессмертью приобщится.

Узбекский поэт-переводчик М.Шейхзаде дает адекватный перевод с русского перевод В. Левика:

Секин қоқиб эшикни қўшиқ,
Учар жаннат остонасига,
Ўлмасликка қовушар ошиқ!

Образный строй стихи сохранен у Шейхзаде, та же обобщающая философская мысль, которая не кажется сухой, абстрактной. Она передает поэтическое очарование стихотворных строк Гете, подчеркивает сопричастность немецкого поэта ко всему происходящему и овеяно теплым лирическим чувством.

“Шутливые, серьезные мило сплетаются, и обычная жизнь, идеально преображаемая, придает нам крылья, чтоб лететь нам ввысь достигая наивысшего”, писал Гете о “”Книге рая . В стихотворении “Хиджра” мотив рая впервые звучит в финале стихотворения, задавая тон всему сборнику “ЗВД”. Поэт силой воображения “оседлал чудесного коня Магомета” и устремился “к небесным сферам”. Только истинный, большой поэт своим поэтическим даром, мудрым словом, силой своего поэтического воображения способен проникнуть в небесные сферы так легко, словно переступил порог собственного дома.

Гете строит стихотворении “Хиджра” по образцу восточных произведений. Сам поэт писал, что характерной чертой восточной поэзии является контрастность планов, контрастность стилевых потоков, сопряжение далеких, казалось бы несопоставимых понятий. Они нередко сопрягают “образы самые благородные и образы самые низменные” (33:193). “Кроме того, восточному поэту вовсе ничего не стоит вознести нас в облака, а оттуда сбросить на землю, и наоборот” (33:194). Именно такой подход, такой прием характерен для стихотворения “Хиджра”.

Как мы могли убедиться, стихотворение Гете “Хиджра” представляет собой довольно сложное по смыслу и по характеру произведение. Оно многослойно и многозначно, оно, словно шкатулка с драгоценностями, требует подобрать ключ, чтобы завладеть этими драгоценностями – мыслями, откровениями поэта. Они начинают сверкать, переливаться, но только тогда, когда ключ к этой “шкатулке” подберет поэт-переводчик.

Сопоставительный анализ переводов стихотворения Гете “Хиджра” убеждает нас в том, что В. Левик и М. Шейхзаде достигли большой верности, точности в воссоздании поэтического текста, его смысловой и формальной сторон, передаче философской мысли и художественных образов у Гете. Поэтический уровень переводов В. Левика и М. Шейхзаде достаточно высокий и их переводы соответствуют оригиналу.

Мы убедились, что трудности в переводе для каждого переводчика начинаются с лексики, ведь поэт-переводчик должен найти эквивалент для передачи содержания художественного произведения, он должен стремиться к большему приближению поэтического текста. Но это не значит. Что он должен следовать букве, слово в слово передать содержание стихотворения поэта. Ведь филологический перевод, который мы сделали, с наибольшей точностью и полнотой передает смысл стихотворения “Хиджра”. Но точность воспроизведения не означает еще того, что перевод отвечает художественно-эстетическим качествам. Филологический перевод, подстрочник не одухотворен, не пронизан эмоциональным, личностным отношением к воспроизведенной, воссозданной картине, иначе говоря, такой перевод точен, но в нем нет главного – “души поэта”, без чего оно, стихотворение, не становится произведением искусства.

В переводах В. Левика и М. Шейхзаде, как мы попытались показать на примере сравнительного анализа стихотворения Гете “Хиджра”, есть отклонения от оригинала, неточности. Но такая, например, неточность, когда переводчик вместо “мул” пишет “верблюды”, не является тяжким грехом. Ведь от этого смысл, содержание стихотворения не искажается, тем более, что “верблюды” – тоже достаточно характерный для Востока образ. Или, допустим, у М.Шейхзаде мы читаем:

Дунё фъелин ўтаб бекайғу
Осмоннинг нурин топар у.

“Свет небес” – этого словосочетания, как мы отметили выше, нет в тексте Гете, но в данном случае оно оправдано, потому что соответствует смыслу оригинала и “не вредит художественному впечатлению”.

Важно, разумеется, не только донести до читателя авторскую мысль при переводе стихотворения, но еще передать интонационно-образный строй, ритм поэтического произведения. В этом отношении узбекский поэт-переводчик М. Шейхзаде дал верную и поэтически совершенную интерпретацию стихотворения Гете “Хиджра”. Он глубоко уловил содержание стихотворения и сумел воспроизвести его в блестящей поэтической форме.

Чтобы войти в содержание “ЗВД”, ощутить его смысл и донести до читателя переводчику требуется иметь представление о “Коране”, “Хадис” и “Тасаввуфе”, так как Гете при составлении “ЗВД” очень умело пользовался кораническими мотивами, содержанием “Хадиса” и “Тасаввуфа”, которые лейтмотивом пронизывают весь текст.

Обратимся к анализу стихотворения Гете “Четыре блага” из “Книге певца” и попытаемся выяснить, насколько точно удалось узбекскому переводчику Н. Мухаммадиеву передать коранические мотивы, мусульманские обычаи.

Гете очень высоко ценил обычаи и нравы восточных народов, он изучал жизнь кочевников-бедуинов и доисламскую поэзию “Моаллакат”, поэтому стихотворение “Четыре блага”, посвященное образу жизни арабов, можно считать характерным. Перевод этого стихотворения под названием “Тўрт ажиб совға” опубликовано в переводе Н. Мухаммадиева (56). В нем речь идет о четырех “благах”, которые якобы подарил арабом Аллах. Во-первых, это тюрбан, который священной убором, но и саваном. Согласно шариату, любой мусульманин должен быть похоронен завернутым в саван, похороны без савана считаются большим грехом, поэтому тюрбан заменил саван для воинов и кочевников. Во-вторых, это шатер, который можно поставить всюду. В-третьих, это меч, который тверже, чем стены,

защищает от врагов. В-четвертых, это песня, которая может пленить любую женщину.

Переводчик Н. Мухаммадиев глубоко вник в содержание стихворения и сумел адекватно воспроизвести его на узбекском языке. Его перевод по своей художественной форме созвучен оригиналу, тек как в оригинале выбрана рифма а-б, а-б, то есть “Teil-durchziehen, Heil-verliehen, schmückt-Kaiserkronen, rückt-wohnen” и т. д., а в переводном тексте, согласно данному принципу рифмовки – “оллох-ато, олов-адо, учун-тожидан, тундам” и т. д.

Согласно мнению А. Аллаберганова (60:97), Н. Мухаммадиев переводил не с оригинала, как писалось в газете, а с перевода В. Левика.

Сравните:

Dass Araber an ihrem Teil
Die Weite froh durchziehen
Hat Allah zu gemeinem Heil
Der Gnaden vier verliehen.

(117:196).

Араблар ўз юртида
Кенгликларда хурсанд кезсин деб,
Эзгулик учун тангри уларни
Такдирлари тўрт марҳамат билан.

(Подстрочник наш).

Тўртта нарсани оллох
Арабларга этгандир ато.

Қалбларида сўнмасин олов
Қувончлари бўлмасин адо.

(Перевод Н. Мухаммадиева).

Арабом подарил Аллах
Четыре высших блага.

Да не иссякнет в их сердцах
Веселье и отвага.

(33:9).

Как видно, в перевод Н. Мухаммадиева не нашли отражения такие слова и словосочетания оригинала, как “der Teil” (“страна”, “край”), “Die Weite froh durchziehen” (“радостно

странствовать по простору”), “zu gemeinem Heil” (“для общего блага”) и т. д.

Но, в переводе передана гетевская интонация, строфика и ритм, а главное передана афористичность гетевской поэтической мысли. И, конечно же, точно воспроизведен восточный колорит, традиционные восточные атрибуты, национальные образы. В стихотворении “Четыре блага”, основанном на арабской пословице: “Тюрбаны – венцы, шатры – стена, мечи – ограда, песнь - грамота”, Гете раскрывает смысл этой пословицы, придерживаясь краткости, лаконизма, который присущ пословицам. Узбекский переводчик Н. Мухаммадиев в своем переводе упоминает все “четыре блага”, раскрывая их смысл в афористически лаконичной форме.

Если в четверостишиях идут описания трех предметов, и их назначение связано с материальным, священным, то песня, - которая “уводит в плен красавиц непокорных”, представляет благо из области духовного, без чего невозможно жизнь человеческая, это высшее благо, потому-то последнее четверостишие звучит так:

Und Blum' und Früchte weiss ich euch
Gar zierlich aufzutischen,
Wollt ihr Moralien zugleich,
So geb ich von den frischen.
(117:197).

Теперь – на стол цвет и плод
Для пира все готово,
И тем, кто поученья ждет,
Предстанет свежим Слово.
(Перевод В. Левика).

Энди эса гул ва мевалар –
Стол узра; базмбоп бу зум
Ким насихат истаса агар,
Янги бўлиб туюлар сўзим.
(Перевод Н. Мухаммадиева).

В оригинале последнее четверостишие звучит в гедонистическом духе. Жизненоутверждающим пафосом пронизаны стихотворенные строки Гете. Вместе с цветами и фруктами, поэт предлагает, дарит изящные поучения, которые свежи, а значит и оригинальны. Узбекский переводчик Н. Мухаммадиев, следуя за В. Левиком, сумел уловить основную мысль гетевского стихотворения. Одно из благ, дарованных людям, это мудрые поучения, которые поражают своим изяществом и свежестью. “Сначала было Слово...”, умное, полное духа и мудрости, которое Гете предпочитает остальным благам. На контрасте, противопоставлении и строится стихотворение “Четыре блага”. Перевод Н. Мухаммадиева соединяет смелую образность с естественностью, вещностью выражения и одновременно обобщающей мыслью. Переводчик сумел уловить гетевскую приподнятую интонацию и воссоздал звучание строки, близкое к оригиналу, Н. Мухаммадиев сумел найти для выражения сложной поэтической мысли необходимые слова, поэтические средства, чтобы передать переход от конкретного, зримого, вещного к всеобщему, философскому содержанию.

В “ЗВД” у Гете немало стихов, написанных под влиянием Корана и философии суфизма. Их изучение с позиции современности, анализ исторических условий, при которых возникли стихи и их переводы, дают возможность правильно оценить творчество немецкого классика Гете.

Отчественное литературоведение возвращается к традиционному анализу произведений с позиции исторического времени, учитывая идеологию, политику и общественно-экономическую жизнь, когда жил и творил тот или иной писатель.

Это стало возможным благодаря провозглашению независимости. Возможность пересмотреть заново свое отношение к национальным ценностям, религии требует тщательного изучения философии суфизма. В последнее время в этом направлении сделано узбекскими литературоведами (Г. Саямов, Н. Камилов, В. Валиходжаев, Султанмурад Олим и др).

Суфисы считают, что природа человека состоит из двух элементов – духовного и материального миров, которые находятся в противоборстве. Когда усиливаются потребности тела, похоть и сладострастие, человек оказывается в плену животных страстей и опускается все ниже и ниже. Чтобы предотвратить эту опасность, человек должен постоянно трудиться и воспитывать в себе чувство духовного и морального удовлетворения. В этом им (человеком) руководит более совершенный человек – Пир (духовный наставник). Говоря Пир или Ориф, сторонники суфизма понимали человека мудрого, просвещенного, с чистой душой и помыслами, безупречного поведения и пронизательного. Пир – друг души, сочувствующий единоверец (47:230). Для Гете Хафиз Ширазе и есть Человек просвещенный. Отсюда становится понятным постоянное стремление Гете к самосовершенству, почему он называет Хафиза своим Пиром.

Для того, чтобы освоит понятия “Пир” и “Мюрид” (“последователь” “ученик шейха Пира”), “Мастер” и “ученик”, Гете изучает суфизм и основные положения мусульманского мистицизма по книге Хаммера “Персидское красноречие”, о чем явно свидетельствуют следующие строки, которые переведены на русский и узбекский языки так:

Und mag die ganze welt versinken
Hafis, mit dir, mit dir allein!
Will ich wetteifern! Lust und Pein
Sei uns der Zwillingen gemein!
Wie du zu lieben und zu trinken,
Das soll mein Stolz, mein Leben sein.
(117:209).

Менга олам ғами билки, абасдур,
Аё, Ҳофиз! Агар сен бирла бўлсам,
Ки, фахру ифтихорим сен, хавасдур
Сенингдай ғам чекиб, сен каби кулсам.
Муродим май ичиб сен бирла бахсдур
Сенингдек севсаму сўнг майли ўлсам.
(Перевод С.Салимова, 28:121).

Майлига ғарқ бўлсин бутун жаҳон

Эй, Хофиз, сен билан, сен билан ёлғиз
Истагим бирга бўлиш! Қувонч, азоб ҳам
Майли бўлсин бизга, эгизакка!
Сенинг муҳаббатинг, ичган шаробинг,
Фурурим, ҳаётим бўлиши лозим.
(Подстрочник наш).
И что мне целый мир? Судьбою
Тебе да уподоблюсь я!
Хафиз, мы будем как друзья!
Сквозь боль и радость бытия,
Любовь и хмель пройдут с тобою,
И в этом счастье – жизнь моя.
(Перевод В. Левика).

Думается, перевод В. Левика не совсем точно передает смысл гетевского стихотворения. Первые строки не вполне соответствуют содержанию оригинала. Так, а гетевском тексте мы встречаемся с таким словом, как “Zwillingen” – “близнецы”. Гете тем самым подчеркивает общность взглядов, поэтической природы с Хафизом, в русском переводе В. Левика дано другое слово “Друзья”. Это не совсем точно по смыслу и значению к гетевскому стихотворению, поэтому мы предлагаем подстрочник, который ближе к оригиналу, соответствует содержанию этой стихотворной строки.

Когда мы сопоставляем оригинал с переводом, на первый взгляд кажется, что некоторые слова “ganze”, “versinken”, “Zwillingen” не совсем точно переведены. Однако, если учитывать сложность поэтического перевода и всмотреться более пристально, то мы убедимся в обратном, хотя и не исключены “добавления” и “исключения” переводчика. В данном переводе “добавления” и “исключения” несут в себе положительную художественно-эстетическую значимость и важную смысловую нагрузку. Переводчик чувствует ту грань, которую если переступить, то он нанесет ущерб семантической и синтаксической структурам стиха. С. Салимов смог найти синонимические варианты оригиналу и этим создать адекватный перевод. Первая строка “Und mag die ganze Welt versinken” имеет два варианта перевода: “Майлига ғарқ бўлсин

бутун жахон” (“Пусть утонет целый мир”) или “Майли хаёлга чумсин бутун жахон” (“Пусть в мыслях утонет целый мир”). В этих дословных переводах отсутствует поэтическая созвучность оригиналу. С. Салимов, вводя сочетание “ғами абасдур” (“тщетно скорбеть”), приблизил перевод к оригиналу в звучании, не нанося ущерба семантике.

В суфистской мистике мотивы “вина”, “любви”, “вечности” являются основными поэтическими опорами и объясняют такое сложное понятие. Как открыть себе врата в вечность, достигнув Истины в “хмельном” соединении возлюбленных друзей (Пира и Мюрида). В этой стихотворной строфе Гете и Хафиз, как друг и Пир, объединенные “любовью”, “хмельны”; поэт, подобно Хафизу, - человеку совершенному – хочет достигнуть божественного и мечает в “смерти” постичь “вечность”.

Муродим май ичиб сен бирла бахсдур
Сенингдек севсаму сўнг майли ўлсам.
“Моя цель, выпив вина, беседовать с тобой,
Как и ты любить, и пусть потом умру,”

Настоящая поэзия не создается, а рождается, и только в этом случае поэзия имеет божественные крылья. Для того, чтобы “родить”, нужно пережить “боль”, которая вызывает чувство волнения с созданием поэта, и в результате откровения отражается в его манере письма, в звуках, ритмах, словах и образных выражениях. Отсюда и единство формы и содержания, которое рождает трудности при переводах поэтических произведений и требует огромной ответственности от переводчика. Не каждый знающий несколько языков может заняться этим делом. Для этого нужно быть поэтом. Переводчику необходимо заново воссоздать форму и содержание (независимо от того, на каком языке).

В поэтическом переводе единство формы и содержания является глобальной проблемой, привлекающей внимание многих теоретиков и практиков перевода, в чьих работах сопоставляются оригинал и перевод, что дает возможность выявить достоинство и недостатки того или иного перевода.

Примечательна в этом отношении мысль узбекского литературоведа Гайбуллы ас-Салом “Вазн (стихотворный ритм, размер – дословный перевод вес) в арабском языке обозначает “размер, меру, норму”. В конкретном поэтическом произведении элементы формы входят в сложные взаимоотношения с идеей, при переводе переводчик, чтобы найти ключ к нужной форме, обязан первым делом иметь в виду содержательную функцию формы.” (79:163).

Так велика роль стихотворного размера в выражении ритмики и содержания стиха, как размер определяет длину каждого слова (на основе семантики).

Другой элемент формы –рифма, выполняющая несколько функций:

а) лексическая функция – устанавливает связь значений между рифмованными словами и строками;

б) функция ритмики;

в) функция эвфонии (звуковой организации речи).

Рифма – один из самых важных компонентов композиции стиха, с помощью которого значение приобретает ритмическое свойство (79:165).

Вышесказанное еще раз подтверждает мысль о том, что в поэтическом переводе форма, как и содержание, играет немаловажную роль. Анализируемый нами перевод отличается от оригинала размером. Например: в оригинале 8 стоп, а в переводе 11 (в виде 6-5-ти сложной стопы). Рифмы в оригинале и переводе совпадают в форме чередований аб, аб. Хотя форма перевода частично отличается от оригинала в размере, ритм и функция звуковой организации речи в рифме сохраняются. Частое повторение местоимения “Сен” (“ты”) способствует выполнению структурообразующей и смыслообразующей функций. Во-первых, выравнивает количество слогов в строке с предыдущими и последующими строками; во-вторых, усиливает мотив обращения лирического героя к своему наставнику. Вот еще один пример того, что в поэтическом переводе рифма является основным фактором сохранения единства формы и содержания.

В лирике суфизма воспеваются вино, любовь, дружба. Особенно эта тема отчетливо выделяется в тех стихотворениях

“ЗВД” Гете, которые посвящены Хафизу, Зулейке, любви и воночерпию:

Wie sie sich an mich verschwendet,
Bin ich mir ein wertes Ich,
Hätte sie sich weggewendet,
Augenblicks verlör ich mich.
(117:257).

Васлинг менга насиб этса,
Ўзга бахт даркор эмас.
Юз ўгириб мендан кетсанг,
Бўлажакман хору хас.
(Перевод С. Салимова, 71:208).

У борлиғича менга сингиб кетса,
Унда мен ҳақиқий Менман;
Юз ўгириб мендан кетса,
Шу захот ўзлигимни йўкотаман.
(Подстрочник наш).

Чуть она мне улыбнется,
Мне себя дороже нет.
Чуть, нахмураясь, отвернется –
Потерял себя и след.

В этом стихотворении Гете вновь возвращается к теме вечности, достижения Истины в “Хмельном” соединении возлюбленных. В случае неосуществления “мечты” поэт признает бесцельность, “попранность” жизни. Когда сопоставляем содержание узбекского и русского переводов с оригиналом, чувствуется некоторая разница. Читателю трудно уловить мысль Гете. В лексике поэтических переводов отсутствует суфийское мировосприятие поэта. При всем тем, что первая строка С. Салимова “Васлинг менга насиб этса” (“Если соединение с тобой мне судьбой начертано”), пусть даже, не соответствует тому, что есть в оригинале, вторая строка во многом отходит от содержания. Глагол “sich verschwenden” в узбекском языке выражает значения “не щадя, дарить”, “посвятить себя”, “всем существом питаться”. Личные местоимения “ich” и “Ich” должны были отразиться в переводе, так как мысль Гете воплощена в них. Не зря в первый раз “ich” пишется с маленькой буквы, а во второй раз – с большой.

Возлюбленный посвящает себя лирическому герою, после чего в любовном хмеле местоимение с маленькой буквы теряет лицо и достигает истины, которая воплощена в местоимении “Ich”.

В нашем представлении было бы лучше, если вторая строка звучала так:

Васлинг менга насиб этса,
Мен ҳакикий Менман бас;
Юз ўгириб мандан кетсанг,
Бўлажакман хору хас.

“Если соединение с тобой мне судьбой начертано,
Я есть истинный я довольно;
Уйдешь отвернувшись лицом,
Буду опустошенным”
(Подстрочник наш).

В суфийской науке бытие Аллах комментируется в двух аспектах: в скрытом виде, т. е. внутренне тайно чувствовать, второй – реально видеть, представлять с внешней стороны. В этом случае Аллах свое внешнее бытие воплощает во всем тем, что он создал. В стихотворении “В тысяче форм ты можешь притаиться”, из цикла стихов, посвященных Зулейке, лирический герой реально видит внешний облик Аллаха (см. стр. 70).

Известный немецкий поэт И.В. Гете с глубоким чувством уважения изучал религию Ислама, Коран, Хадисы, философию суфизма, что дало мощный толчок к созданию знаменитого “ЗВД”. Влияние суфизма чувствуется во всех стихах “Дивана”, от первого до последнего. Стихотворение И. В.Гете переведено, несмотря на некоторые недостатки, на узбекский язык адекватно поэтом-переводчиком С. Салимовым. О Гете можно сказать, что он пропитан духом Ислама:

Нодон ҳар ходисани ўзича шархлашга шай,
Ҳар ходиса сабабин билгум, деган авомда!
Оллоҳга итоатдир Ислом деган сўз асли,
Исломга ўтиб ҳамма, ўлажакмиз Исломда.
(Перевод С. Салимова).

Глупо, что хочет каждый иметь
На каждый случай свое суждение,
Ведь если Ислам – Аллаху служенье,

Нам жить в Исламе и в нем умереть!

(Подстрочник наш).

Уже отмечалось что “ЗВД” Гете можно рассматривать как произведение, пронизанное единой идеей. Если прологом “ЗВД” служило стихотворение “Хиджра”, то эпилогом стала “Книга рая”. Тема рая – одна из ведущих в “Западно-восточном диване” Гете. Кто же достоин войти в рай? По мысли Гете, прежде всего мудрец, поэт, который видит смысл своей жизни в служении народу, который готов пожертвовать своей жизнью ради счастья народа. Он сможет “возлететь к предверьям рая” и “приобщиться к бессмертью” (“Учар жаннат остонасига, ўлмасликка қовушар ошиқ”) писал Гете в стихотворении “Хиджра”. Но полную разгадку этой строфы мы найдем в последней книге “ЗВД” – “Книге рая”, в стихотворении “Впуск”. Прекрасная гурия стоит на страже райских врат, допуская к вечной жизни лишь героев, отдавших свою жизнь в борьбе за веру, преданных пророку, всю жизнь стремившихся отстаивать правду, добро и справедливость. Она рассматривает поэта, стучащегося в двери рая, и спрашивает его, чем может доказать свою верность Высшей правде, “свое право быть в раю” (33:578). Поэт отвечает:

Nicht so vieles Federlesen
Lass mich immer nur herein;
Denn ich bin ein Mensch gewesen,
Und dass heisst ein Kämpfer sein.
(117:296).

Распахни врата мне шире,
Не глумись над пришлецом, -
Человеком был я в мире,
Это значит – был борцом.
(Перевод В. Левика, 33:124).

Такаллуфсиз гаплар дединг,
Бенафдур йўлим тусмоқ.
Мен ҳақиқий Инсон эдим,
Қурашувчи – бу демак.
(Перевод С. Салимова, 71:72).

Как известно, при работе над стихотворным текстом переводчик часто вынужден чем-то поступаться, что-то терять. В частности, строфу “Lass mich immer herein” то есть “разреши мне войти навсегда” (подстрочник наш), С. Салимов передал так: “Бенафдур йўлим тусмоқ”. Если сравнить с дословным переводом, то окажется, что ни одно слово не совпадает с оригиналом. Но, на наш взгляд, переводчик творчески подошел к оригиналу и, сохранив смысл, сумел верно воспроизвести содержание на узбекском языке. Он нашел полноценный вариант, в котором образность и поэтичность проявились достаточно полно.

В стихотворении “Впуск” Гете не рисует картины магометанского рая, поэту важнее подчеркнуть мысль о бессмертии героя, который удостоился чести быть в раю, обрести блаженство, небесных радостей благодаря тому, что он воспевал жизнь во всех ее проявлениях, воспевал красоту и скоротечность жизни, не кривил душой, выступал против лжи. Стихотворение “Впуск” о месте поэта в обществе, о его предназначении, о смысле человеческой жизни. Философская мысль пронизывает стихотворение Гете “Впуск”.

Узбекский переводчик С.Салимов обратился к оригиналу. Он стремился воспроизвести с наибольшей точностью поэтическое содержание гетевского стихотворения. На первый взгляд, он отходит от оригинала. Если у Гете первые строки звучат: “Сегодня я стояла на страже райских ворот”, то в переводе С. Салимова начальные строки носят иной характер. Гурия спрашивает героя:

Heute steh ich meine Wache
Vor des Paradieses Tor.
Weiss nicht grade, wie ich's mache,
Kommst mir so verdächtig vor!
(117:296).

Хур:
Сен бамисли жаннатмакон?
Киришинг гумон ҳали.
Жаннатга мен ўзим посбон
Кўринишинг шубҳали.

(Перевод С. Салимова, 71:75)

Но узбекский поэт-переводчик в данном случае верно передает смысл. Дух стихотворения, не стремись слепо следовать за автором, а творчески подходя к поэтическому переводу. Ведь если соотнести это четверостишие с целям, то окажется, что С. Салимов не отошел от оригинала, так как дальше этот вопрос, который вынесен С. Салимовым в начало стихотворения, звучит в последующих строчках стихотворения Гете “Впуск”:

Ob du unsern Mosleminen
Auch recht eigentlich verwandt?

Поэтому первые строки в переводе С.Салимова звучат в том же стилевом ключе, что и у Гете. Стилистически текст перевода соответствует подлиннику, более того, С. Салимову удалось проникнуть в суть произведения, найти “ключ” к стихотворению Гете: и в ритме, и в интонации, и в манере передачи философской мысли. Вот как звучит последнее четверостишие, которое заключает спор, диалог поэта с гурией, которая впускает поэта в райские кущи:

Nein! Du wählst nicht den Geringen!
Gib die Hand, dass Tag für Tag
Ich an deinen zartten Fingern
Ewigkeiten zählen mag.
(117:297).

У В. Левика:

Мне ль не место в райском чине!
Руку дай – день за днем
По твоим перстам отныне
Счет бессмертью поведен.

У С. Салимова:

Йиғиштиру итобингни,
Кирит, топай, бериб тан,
Абадийлик ҳисобини
Момик бармоқларингдан.

Как мы могли убедиться, С. Салимов сумел найти стилистический ключ, с помощью которого он очень точно воспроизвел интонационный рисунок оригинала, адекватно передал форму и содержание подлинника. Перевод

стихотворения “Впуск”, осуществленный С. Салимовым, можно считать удачным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественный мир Гете необозрим, постичь его непросто, требуются усилия многих ученых, чтобы понять феномен немецкого поэта. Особое место в его литературном наследии занимает “ЗВД”. Небольшая по объему книга стихов и по сей день волнует и сохраняет свежесть откровения, как и все творения великого Мастера.

В настоящей монографии мы попытались определить своеобразие поэтического мира “ЗВД” Гете и осветить не которые проблемы, связанные с поэтической интерпретацией, переводом “Дивана” на узбекский язык. Рассмотренные в работе проблемы позволяют сделать некоторые выводы, дать определенные рекомендации и высказать свои пожелания:

1. В “Западно-восточном диване” Гете стремиться прикинуть к тому источнику, который питал творчество Фирдоуси, Саади, Хафиза, стремился приблизиться к миру древней восточной культуры и передать в оригинальной поэтической форме дух Востока.

Знакомство с удивительным поэтическим творчеством Хафиза и любовь к Марианне фон Виллермер стали стимулом к творческим свершениям, источником в завоевании вершин поэзии, вдохновили Гете на создание знаменитого “Западно-восточного дивана”. Восток для немецкого поэта – это не только страна тысячелетней культуры, но и открытие для себя нового мира, обогащение фантазии поэта и, наконец, обновление его поэтической стилиевой манеры, художественного метода.

2. “ЗВД” – “трудная книга” (А. Михайлов). Внешне все ее содержание лежит на поверхности; поражает необычайная простота и незатейливость, незамысловатость внешнего стихотворного рисунка. Но это впечатление обманчиво. Книга Гете таит неисчерпаемые смысловые оттенки, в ней много подтекста. Не случайно лейтмотивом “Дивана” становятся строки из стихотворение Гете “Намек”: “слово-как веер”.

3. В монографии мы попытались показать, как “действует система соотношений” - через весь “Диван” Гете проходят сквозные мотивы. Возникая на первых страницах книги, они

получают достаточно глубокую разработку в последующих стихотворениях. Так, к примеру, тема Поэта, впервые затронутая в стихотворении “Хиджра”, открывающем лирический цикл, получает дальнейшее развитие и глубокое философское осмысление в стихотворении “Благоподатели”. Слово Поэта содержит “тайный, высший смысл”, утверждает Гете. Слово у истинного поэта обретает особую весомость, обладает той же магической силой, что и амулет, талисман. Оно многозначно, всегда таит глубокий иносказательный смысл, который предстоит расшифровать, разгадать читателю. Слово Поэта должно быть таким же емким и лаконичным, обладать огромной силой воздействия, передавать значительную мысль, высший смысл, так же, как и слова, записанные на бумажке и спрятанные в амулете. Поэт становится известен народу, оставит след в своем лице, а его имя будет бессмертным.

Образ талисмана возникает в стихотворении “Талисман”, в котором вновь звучит мысль о силе и могуществе поэтического Слова, о роли Поэта, но получает иную разработку. Гете в новом смысловом и поэтическом ключе разрабатывает тему Поэта. Талисман у Гете – это мудрость народных изречений. В стихотворении “Талисман” Гете утверждает, что поэт должен изображать жизнь в ее многообразии и многоликости, ведь “вся жизнь – смесь чудная на вид”.

Постепенно вырисовывается образ Поэта, носителя Высшей Правды, который борется оружием слова за свой идеал. В стихотворениях “Признание”, “Стихи”, “Впуск” и др. , утверждает мысль о предназначении Поэта. Его “песня” должна “от сердца спета”, должна идти из глубины души, чтобы помыслы поэта были чисты и чтобы творил он “чистыми руками”. Только тогда он становится певцом человечества и обретает бессмертие, и для него открыты “ворота в рай”.

4. В монографии мы проследили, как происходит развертывание различных тем, мотивов в книге Гете “ЗВД”, как происходит переосмысление и обогащение этих мотивов.

Так, развертывая, раскрывая тему Поэта, поэтического Слова, Гете обращается к образу Хафиза, который в его представлении являет собой образец для подражания. В “Книге

Хафиза” предстает образ Идеального Поэта, поэзия которого отвечает самым высоким требованиям. Гете увидел в поэзии Хафиза любовь к жизни и красоте, вольность поэтической мысли, изумительную поэтическую технику, символичность и афористичность слова. Образ Хафиза проходит через весь лирический цикл “Дивана”. В его поэзии Гете черпает неиссякаемый живой источник жизни, источник для поэтического вдохновения. Гете обращается к темам и образам, которые были излюбленными у Хафиза: это тема любви, которой посвящены “Книга любви”, “Книга Зулейки”; это и традиционные для восточной поэзии образы мотылька, свечи и т. д.

5. Анализируя стихотворение Гете “Блаженное томление”, мы стремились не только раскрыть идейно-художественное содержание гетевского стихотворения, понять символику этих образов, но и убедительно доказать, что “блаженное томление” у Гете – это тоска по обновлению, возрождению личности.

Мы попытались доказать, что стихотворение “Блаженное томление” написано в духе суфистских представлений. Лирический герой готов сгореть, как “мотылек в огне”, ради новой жизни. Так родился знаменитый призыв Гете: “Умри и возродись”. Этот мотив, как мы убедительно показали в работе, проходит через всю книгу Гете “ЗВД”. Анализ “ЗВД” показал, что Гете обращался к вечным для искусства проблемам. Поэт “поет песни” о Жизни: о человеке и его месте в мире, о любви, о радости и страдании, о дружбе и ненависти, о счастье и беде. В обобщенно-символической форме Гете дает представление о Жизни в стихотворении “В тысяче форм...”. На наш взгляд, в стихотворении “В тысяче форм...” выражено не только чувство любви к женщине, восхищение, поклонение возлюбленной. Для Гете она – вечно женственное, божественное начало, она – символ Прекрасного, которое постигается мистическим путем.

Мы попытались аргументированно доказать, что в этом стихотворении заметно влияние суфийских идей на Гете-Поэта. Она – символ Жизни, потому-то она – везде и во всем, принимает тысячи форм. Это мир, который предстает в игре различных состояний, изменений и движений, в ней происходит слияние духа с природой. Она у Гете – это Бог, Аллах, потому

Всеиграющая, Всеездесущая, Всемноголикая, Всепроевляющая.... Так перед читателем возникает жизнь во всей ее красоте, изменчивости, гармоничности. Для Гете мир выступает как совокупность противоречий во всем ее эстетическом многообразии.

6. Заслуга Гете состоит в том, что он создал образцы новой поэзии, обогатив жанровые поэтические формы. “ЗВД” представляет оригинальный сплав западно-восточной поэтики.

Явно опережая свое время, свою эпоху, Гете рассматривал мир Запада и Востока в нерасторжимом единстве. Идея культурного обмена, наступления “всеобщего мира” пронизывают “ЗВД”. Концепция мировой культуры, которая лежит в основе эстетики зрелого Гете, автора “Дивана”, особенно актуально и в наше дни.

7. Во II главе настоящей монографии рассмотрены вопросы, связанные с критическим освоением и восприятием творчества Гете в узбекском литературоведении, сделана попытка обобщить весь критический материал, связанный с проблемой “Гете в Узбекистане”.

Впервые статьи о Гете появились в 30-е годы XX века, в 50-годы с творчеством писателя Гете познакомил узбекского читателя устод М. Шейхзаде, который заложил основы гетеведения в Узбекистане. Он написал критическую статью, посвященную жизни и творчеству великого немецкого поэта, ему же принадлежит первый перевод стихотворения Гете на узбекский язык. Вслед за этим появляются статьи и монографии Г. Т. Саламова, Н. Камилова, В. Захидова, И. Гафурова и др. В решении проблемы “Влияние Востока на творчество Гете” особо хочется отметить труды Г. Т. Саламова, Н. Камилова, С. Салимова

В результате анализа трудов узбекских ученых, переводческой деятельности узбекских гетеведов, мы пришли к выводу, что узбекская критическая мысль шла рука об руку с переводческой. По мере того как обогащалась переводческая гетеведение в Узбекистане, по мере того, как Гете входил в духовную жизнь узбекского народа, формировалось и развивалось узбекское гетеведение. Отрадно, что наряду с литературоведами, с обзором творчества Гете выступают и

узбекские поэты-переводчики, которые нередко глубже постигали художественный мир Гете (Э. Вахидов, М. Шейхзаде, Я. Эгамова, С. Салимов).

Как известно, одной из самых важных проблем в поэтическом переводе является правильная передача единства формы и содержания оригинала. В этом плане актуальными научными исследованиями являются работы Пашали Усман Оглы, Ш. Каримова, А. Аллаберганова.

В монографии отмечается, что до 70-х годов узбекские читатели могли знакомиться с творчеством Гете благодаря русскому языку, языку - посреднику. Только лишь с середины 70-х годов стали переводить произведения Гете с оригинала (Я. Эгамова, С. Салимов, Пашали Усман Оглы).

8. Появление высоких образцов поэтического, художественного перевода – всегда огромное событие в духовной и общественной и жизни народа, являясь средством приобщения к искусству другого народа. Поэт-переводчик – посредник поэтом и читателем, он является проводником и интерпретатором художественно-эстетических идей поэта.

Гений Гете поистине универсален, поэтому перевод любого из творений поэта такого уровня, как Гете, требует от переводчика высокого мастерства, прекрасного владения техникой переводческого искусства. Именно такими качествами обладают узбекские поэты – переводчики М. Шейхзаде и Э. Вахидов. Талантливый узбекский поэт Э. Вахидов перевел на узбекский язык “Фауста” Гете. Его перевод по праву считается лучшим. Больших успехов в освоении истолкования, интерпретации Гете добился М. Шейхзаде. На протяжении многих лет совершенствовал свое мастерство узбекский поэт - переводчик. Его поэтической натуре особенно близка, созвучна его поэтическим устремлениям поэзия Гете. Он проникся горячей и страстной любовью к поэзии немецкого художника, сумел почувствовать и воссоздать на родном языке красоту и аромат гетевского стиха из цикла “ЗВД”.

9. Во II главе II раздела монографии основное внимание уделено проблеме художественного перевода, поэтической интерпретации стихотворений “Хиджра”, “Четыре блага”, “Впуск” и др. Мы попытались выяснить, кому из узбекских

переводчиков удалось в большей степени приблизиться к оригиналу, насколько переводы М. Шейхзаде, С. Салимова, Н. Мухаммадиева соответствуют духу подлинника.

Как известно, переводчику, чтобы понять склад мышления поэта, его творческую индивидуальность, необходимо досконально изучить не только творчество, но и эпоху, в которую жил поэт, его страну. Поэт-переводчик – это еще и ученый, исследователь обладающий солидным научным багажом, стремящийся приблизить к читателю иноязычного поэта.

Художественным мир Гете, созданный в “Диване”, для узбекских переводчиков – “знакомый незнакомец”. Чтобы понять поэтический шедевр “ЗВД” им не нужно было “отправляться в страну поэта”, потому что они дышат этим воздухом, воспитаны на восточной культуре. Для узбекских переводчиков поэтический мир “Дивана” родной и близкий, поэтому “вращение”, “вхождение” в него было для них органичным и естественным.

Узбекским переводчикам, живущим в восточной культуре, не представляло особой сложности “расшифровать” в “ЗВД” коранические и суфийские мотивы, которые получили у Гете своеобразное осмысление, трактовку. Хотя немецкая и узбекская поэтические системы редко различаются, тем не менее, стихосложение “ЗВД” очень близко к восточному. Можно сказать, что “ЗВД” и по форме и по содержанию “восточный”. Поэтому переводчику легче было создать формы, созвучные поэтическим размерам “ЗВД”.

Воссоздание этих форм в поэтическом переводе обеспечило созвучную оригиналу полифонию, что, в взгляд, приблизиться к оригиналу – к его ритму, стилю, поэтическим образам, языку сумел передать восточный колорит и философскую глубину стихотворений из цикла “ЗВД”.

Обобщая опыт перевода стихотворений из “Дивана” Гете на узбекский язык, сравнивая оригинал с русскими и узбекскими переводами, мы пришли к выводу о том, что узбекские переводчики (М. Шейхзаде, С. Салимов, Н. Мухаммадиев) творчески подошли к переводу стихотворений Гете. Сопоставления оригинала и переводов убеждает нас в том, что

при выборе лексических средств узбекские переводчики стремились к выразительности, образности и точности, избегая пышных сравнений и эпитетов, “украшательств”, которые были чужды Гете-поэту.

10. В результате сопоставительного анализа стихотворения “Хиджра”: оригинал русский перевод два варианта узбекских переводов, мы пришли к заключению о том, что поэт-переводчик не всегда должен следовать букве, точно переводить стихотворную строку. Точно переданные детали, точности не всегда дают верное представление о содержании целого стихотворения.

На наш взгляд, поэтический перевод М. Шейхзаде оказался наиболее адекватным оригиналу, он достиг близкого соответствия словесной ткани подлинника и перевода. Отходя от оригинала в частности, М. Шейхзаде сумел точно воспроизвести звуковую и смысловую стороны текста, ритмический строй стихотворения “Хиджра”, отыскал стилистический “ключ” к гетевскому произведению. И в то же время перевод С. Салимова менее удачен в силу того, что переводчик не сумел найти соответствующий оригиналу ритмико-интонационный строй, передать заданную начальными строками стихотворения Гете интонацию, хотя перевод С. Салимова точен в частности, деталях.

11. Анализируя различные переводы стихотворения “Хиджра”, мы пришли к выводу о том, что иногда в выборе слов узбекские переводчики отходят от оригинала и русского перевода. Так, например, вместо слова “патриархальный” М.Шейхзаде выбирает другое: “табаррук - священный”, но оно не искажает смысла гетевского стихотворения. Узбекский переводчик, обладая великолепным поэтическим чутьем, дает эквивалент этого слова, сохраняя при этом смысл оригинала. Но зато не вполне оправданным является замена слова “flüchte” – “бегство, бежать” словом “хижрат” – “переселиться, переселение” как это мы наблюдаем у С. Салимова, так как сразу же меняется тональность, ритм стихотворения. В данном случае слово “хижрат” неуместно. Ведь перед нами типично романтический герой, который порывает с ненавистной ему средой и бежит, именно бежит, а не переселяется в чистый,

первозданный мир. Слово “бегство” передает динамику, стремительность действия, синтаксического строя, в то время как “переселение” более спокойное, сдержанное, из-за чего меняется вся картина, исчезают органические единство формы и содержания.

12. В монографии отмечается, что в переводах М. Шейхзаде и С.Салимова допущена ошибка: в их не упомянуто слово “Хизр”, хотя в оригинале оно есть. И хотя переводчики передали общий смысл, заложенный в слове “Хизр” – источник жизни: который может омолодить, но читателю, неаналогичному с оригиналом, трудно понять глубокий смысл, который заключен в строках В.Левика: “к новой жизни ты воскресни”, а у М.Шейхзаде: “Ва бошлагин янгидан умр”, у С.Салимова: “Ҳам чашмаи ҳаёт равон Умри боқий – умри жавон”. Читателю остается непонятным, что это за источник жизни, который воскресит, омолодит. Слово “Хизр” связано с восточной легендой о пророке Хизре, который испил живой воды и стал бессмертным, поэтому это слово необходимо, оно должно вызывать широкий круг ассоциаций у читателя.

13. В монографии выявлена важная роль контекста, так как у Гете есть, как мы отмечали, много “темных” мест, требующие “расшифровки”, истолкования, кроме того, в силу того, что слово у Гете многозначно, то только в контексте, путем изучения всего произведения можно понять смысл слова, стихотворной строки.

14. В монографии особое внимание уделено сопоставлению оригинала с переводом стихотворения “Впуск”, выполненного поэтом-переводчиком С.Салимовым. Прекрасное знание немецкого языка, а также Корана, суфизма дали возможность узбекскому переводчику добиться адекватности перевода.

15. Удачен, на наш взгляд, и перевод Н.Мухаммадиева, который воссоздал основное содержание гетевского стихотворения “Четыре блага” довольно точно, верно. Перевод Н.Мухаммадиева соединяет смелую образность с естественностью, вещностью и одновременно обобщающей мыслью. Он сумел уловить гетевскую приподнятую интонацию и воссоздал звучание строки, близкое к оригиналу. Н.

Мухаммадиев нашел для выражения сложной поэтической мысли художественные средства, которые очень точно передают переход от конкретного, вещного к всеобщему философскому содержанию. Его перевод созвучен оригиналу, так как в оригинале выбрана рифма а-б, а-б, “Teil-durchziehen, Neil-verliehen”, а в узбекском переводе, согласно данному принципу рифмовки – “оллох-ато”, “олов-адо”.

Рифма – один из самых важных компонентов композиции стиха. Рифма является основным фактором сохранения единства формы и содержания. Эту мысль мы попытались подтвердить, обратившись к анализу узбекских переводов и сопоставив их с оригиналом.

16. Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы высказать пожелания будущим переводчикам “Дивана” Гете.

Требование настоящего времени таково: каждый переводчик должен знать язык оригинала. Без знания языка невозможно достичь полного соответствия, адекватного перевода с оригинала. Именно к этому должны стремиться узбекские переводчики.

17. “Диван” Гете – книга, представляющая, как мы попытались показать в монографии, единство разнородных и многожанровых текстов; “это огромный целостный организм, единый поэтический мир во всеохватности и всеобщности, который одновременно множится, дробится на мельчайшие частицы – микромиры, связанные с другими незримыми нитями-смыслами” (33). Как мы могли убедиться, каждая часть книги “ЗВД” связана с другими, и хотя они могут существовать, жить обособленной, самостоятельной жизнью, но смысловые скрепы настолько прочны, что разъединив их, можно разрушить единство целого. Через весь “Диван” проходят сквозные мотивы, лейтмотивы, которые являются со-отражением восточной поэзии, которые определяют характер и своеобразие книги Гете “ЗВД”, придают ей цельность и особую “внутреннюю форму”. Именно поэтому раззять звено из единой цели – значит разорвать, разрушить единое целое, именно поэтому нельзя печатать стихотворения Гете отдельно. На наш взгляд, допускают большую ошибку наши узбекские поэты-

переводчики, которые переводят лишь отдельные стихотворения из сборника “ЗВД”.

18. Нам представляется, что важнейшей задачей, которая стоит перед поэтами-переводчиками, является освоение поэтического мира “Дивана” во всем его богатстве и полноте. Необходимо приложить все усилия и талант переводчика, чтобы сделать “ЗВД” достоянием узбекского народа. Ведь Гете еще до конца не прочитан, и встречи с узбекским Гете еще впереди.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаева Р. Шиллер и узбекская литература: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ташкент, 1986.-19 с.
2. Агаев А.И. Низами и немецкая литература: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.- Баку, 1975.- 174 с.
3. Азизов К., Қаюмов О. Чет эл адабиёти тарихи (XVIII-XX асрлар): Пед.ин-т филол.фак. учун дарслик. Махсус ред. Ғ.Саломов. - Тошкент: Ўқитувчи, 1987. - 336 б.
4. Аллаберганов А. Воспроизведение единства содержания и формы подлинника в поэтическом переводе: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Ташкент, 1986. - 19 с
5. Бакаева М. Проблемы перевода английской поэзии на узбекский язык (на материале переводов произведений Байрона): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Ташкент, 1980. - 18 с
6. Балашев Н.И. Проблемы единства всемирной литературы XIII-XV вв.// Народы Азии и Африки, 1971. -№ 2.- с. 64-67.
7. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и в России. Спб. ,1911.- 282 с.
8. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и в России. Л., 1925. – 318 с.
9. Бертельс Е.Э. Навои. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 270 с.
10. Брагинский И.С Западно-восточный синтез в «Диване» Гете классическая поэзия на фарси // XXVI Междунар.конгресс востоковедов. - Доклады делегации СССР. М., 1963. –с. 1-11.
- 11.Брагинский И.С., Коммисаров Д.К. Персидская литература. – М.: Изд-во вост.лит. 1963. - 213 с.
- 12.Брагинский И.С. Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. – М.: Наука, 1964. - 340 с.
- 13.Брагинский И.С. Из истории таджикской и персидской литературы. М.: Наука, 1972. - 534 с.

- 14.Брагинский И.С., Проблемы соотношения творчества Петрарки Хафиза // Проблемы истории и теории мировой культуры. – М.: Наука, 1974. - с. 130 - 142
- 15.Брагинский И.С., 12 миниатюр. – М.: Худож. лит. 1976. - 302 с.
- 16.БСЭ. Т.4.- с. 639
- 17.Вельтман С. Восток в художественной литературе. М.: Наука, 1987. -200 с
- 18.Взаимодействие культур Востока и Запада. – М.: Наука, 1987.-200 с
- 19.Взаимодействие культур Востока и Запада. / Отв.ред.Брагинский И.С. – М.: Изд-во восточной лит. 1961.- 251 с.
- 20.Ғафуржонов Ғ., Отажонов У. Эътиқод рамзи// Ёш ленинчи. - 09.02.1988.
- 21.Ғаччиладзе Г. Проблемы реалистического перевода: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Тбилиси, 1961.- 67 с.
- 22.Ғаччиладзе Г. Художественный период и литературные взаимосвязи. М. : Сов.писатель, 1980.- 254 с.
- 23.Гердер И.Г. Избранные соч. –М.-Л.: - Гослитиздат, 1959.- 389 с.
- 24.Ғете И.В. Примечание и заметки для лучшего понимания “Западно-восточного дивана” (Примечания) Проблемы востоковедения.1960- № 3 - с. 185 - 197.
- 25.Ғёте И.В. Фауст. Биринчи қисм.- Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти.1972.- 268 б.
- 26.Ғёте И.В. Фауст. Иккинчи қисм.- Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти.1974.- 418 б.
- 27.Ғёте И.В. Ёш Вертернинг изтироблари. Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти.1975.- 186 б.
- 28.Ғёте И.В. “Мағрибу-Машрик девонидан”. Немис тилидан С.Салимов таржимаси. Шарқ юлдузи. 1985, № 2.- 119 - 123 б.
- 29.Ғёте И.В. Муҳаммад Алайҳи салом. Немис тилидан С.Салимов таржимаси. Сирли олам, 1991, № 10 – 31 - 32 б.
- 30.Ғёте И.В. Муҳаммад Алайҳи салом. Немис тилидан С.Салимов таржимаси. Сирли олам, 1991, № 10 – 31 - 32 б.

31. Гете И.В. Западно-восточный диван. – Гете. Собрание сочинений в тринадцати томах.. Т. 1. М. –Л., 1932.
32. Гете. И.В. Собр.соч. – т. 1. – М. : худож.лит., 1975.- 528 с.
33. Гете. И.В. Западно-восточный диван. – М.: Наука, 1988.- 894 с.
34. Дехоти.Р.А. Изучение Хафиза и интерпретация его творчества в Германии первой половины XIX в.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.- Душанбе, 1984. – 23 с.
35. Дюршин Д. Особые межлитературные общности- 5. Диониз Дюршин и коллектив. Т:- 1993. – с. 7.
36. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение.- Л.: Наука. 1979,- 492 с.
37. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. : Наука, 1962.- 558 с.
38. Захидов В. Жаҳон маданияти зарварақалари.- Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 1990.- 435 б.
39. Каримов И.А. Узбекистан государство с великим будущим.- Ташкент: “Узбекистон” 1992- 62 с.
40. Каримов Р. Ҳофиз Шерозий ва немис адабиёти (қисқача очерк). Таржима санъати- Тошкент: Ғ.Ғулом адабиёт ва санъат нашриёти, 1978.- 241 - 244 б.
41. Каримов Ш. Диллардан дилларга. – Тошкент: Ғ.Ғулом адабиёт ва санъат нашриёти, 1980.- 149 б.
42. Кессель Л.М. Западно-восточный синтез в гетевском “Диване”. Народы Азии и Африки, 1963, № 2, - с. 124 - 136.
43. Кессель Л.М. Гете и “Западно-восточный диван”.- М. : Наука, 1973, - 118 с.
44. Коган А.М. Ҳофиз Гёте ижодида. Ўзбек тили ва адабиёти, 1968, № 1. – 13 - 16 б.
45. Коган А.М. Восточные мотивы в “Западно-восточный диване” Гете: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.- Ташкент. 1970. - 325 с.
46. Комилов Н. Ибн- Сино ва Данте. Гулистон. 1980, № 8. – 10 - 13 б.

47. Комилов Н. Тимсоллар тимсоли. Шу кунлар шиддати. Наср, назм, таржима, танкид, публицистика.- Тошкент: Ёш гвардия. 1989. – 782 б.
48. Конради О. Гете. Жизнь и творчество. 1.2. Итог жизни. Пер. с немецкого. Общая ред. Гугина А.- М.: Радуга, 1987. - 648 с.
49. Конрад Н.И. Литературы народов Востока и вопросы общего литературоведения.- М. 1960. 6 с.
50. Конрад Н.И. Запад и восток. – М: Гл.ред.восточ.лит., 1972.- 495с.
51. Крымский А. Истории Персии, её литература и дервишский философии.- Ч.П. –М., 1912.- 261 с.
52. Крымский А. Семь спящих отроков эфесских.- М., 1914.- 70 с.
53. Крымский А. Персидские лирики X-XV вв.- М., 1916.- 126 с.
54. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. 2-е изд. Т. 23.- с. 5-11.
55. Меринг Ф. литературно - критические статьи.- М.: Academia-1934.- 522-554 с.
56. Муҳаммадиев Н. Тўрт ажиб совға. Ёш ленинчи. 5.10.68.
57. Немецко-русский словарь.- М.: Сов. Энциклопедия, 1965. - 991 с.
58. Низами. Искандарнаме. Икбалнаме. – Баку, 1967.- с.43 - 44.
59. Нурматов У. Трагедии Шиллера на узбекском языке: .: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ташкент, 1985. - 18 с.
60. Оллоберганов О. Гёте ва Шарқ адабиёти. Таржима маданияти.- Ташкент: Ўқитувчи, 1982, - 94-95 б.
61. Олимов С. Ишқ, ошиқ ва маъшук. – Тошкент: Фан, 1992. - 80 б.
62. Остроумов А. П. Исламоведение. Коран. Ташкент. 1912. - 159 с.
63. Пошали Усмон ўғли. Гёте ва таржима адабиёти. Бадий таржима масалалари СамДУ асарлари, янги серия.- №370.- Самарқанд, 1978.-24-29 б.

- 64.Пошали Усмон ўгли.Журъати маҳоратига эш.Таржима санъати.Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1976.- 182 - 202 б.
- 65.Попов. А. В. К. Кюхелбекер на Кавказе. – Ставрополь: Ставроп. Кн.изд - во,1956, № 14. С. 142-150.
- 66.Проблемы и теории мировой культуры. Сб.науч.ст.памяти акад.Н.И.Кондрата. - М.: Наука, 1974. - с.3 - 168.
- 67.Расули М.М. К проблеме взаимовлияния русской и узбекской литератур.- Ташкент: Фан, 1978. - 293 с.
- 68.Саади. Гулистон. – М.: Изд.во вост.лит.,1959. - 232 с.
- 69.Саади.Бустон. М.- Гослитиздат., 1962.- 527 с.
- 70.Совтхои ховар: Мачмуа.- Душанбе: Ирфон, 1986.- 240 с.
- 71.Салимов С. Ёруғлик олами.Шеърлар. – Тошкент.: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1983. - 77 б.
- 72.Салимов С. Мағриблик Ҳотаму Зулайҳо. Шеърят-86. – Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1987.- 204-211 б.
- 73.Салимов С. Рўмолча. Шеърлар.- Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1988.- 136 б.- (Лирика)
- 74.Саломов Ғ.Т. Таржима назариясига кириш.- Тошкент: Ўқитувчи,1978.- 219 б.
- 75.Саломов Ғ.Т., Комилов Н. Дўстлик кўприклари. – Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти.1979. – 222 б.
- 76.Саломов Ғ.Т. Адабий анъана ва бадий таржима. – Тошкент: Фан, 1980. – 158 б.
- 77.Саломов Ғ.Т. Ҳофиз ва Гёте. Гулистон, № 8 – Тошкент, 1974.
- 78.Салямов Г.Т.Литературные традиции и проблемы художественного перевода: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ташкент, 1982. -32 с.
- 79.Саломов Ғ.Т.Таржима назарияси асослари.- Тошкент: Ўқитувчи, 1983. - 232 б.

80. Сеид-Заде А.А. Несими и Хафиз Шерази. Доклады ВН Азербайджанской ССР.- Баку: Изд-во АН АзербСР, 1946, т. 11.- 110 с.
81. Сотимов У. Илк таржима-илк тажриба. Бадиий таржиманинг актуал масалалари. – Тошкент: Фан, 1977. – 118-131 б.
82. Сулейманова Ф. Шарқ ва Ғарб.- Тошкент: Фан, 1991.- 160 б.
83. Таджиев К. Творчество Максуда Шейхзаде - переводчика: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ташкент, 1984. - 18 с.
84. Тримингэм. Дж.С. Суфийские ордены в Исламе. Пер.с английского А.А. Стависской. Под редакцией и с предисл.О.Ф. Акимушкина. - М., Наука, 1989. - 328 с.
85. Тураев С.В. Иоган Вольфганг Гете.- М., Учпедгиз, 1957. - 152 с.
86. Тысяча и одна ночь, перевод, вступ.статья и коммен. М.А.Салье.-Л.: Академия, 1929.-342 с.
87. Федоров А.В. Введение в теории перевода. - М.: Изд-во лит. на ин.яз., 1958. - 375 с.
88. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. - М.: Высш. Школа, 1968. - 396 с.
89. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. - М.: Высш. Школа, 1983. - 303 с.
90. Хафиз Шерази. Пятьдесят газелей.- Сталинабад: Госиздат ТаджССР, 1949.-145 с.
91. Хафиз Шерази. Лирика. Перевод с фарси.- Уфа: Башк.кн.изд-во, 1973.-158 с.
92. Холбеков М.И. Узбекско-французские литературные взаимосвязи(в аспекте перевода, критики и восприятия). АДД.- Ташкент, 1991.
93. Холбеков М.И. Ўзбек адабиёти Францияда.- Тошкент: Фан, 1988.93.
94. Ҳаққул, Иброҳим. Тасаввуф ва шеърят.- Тошкент : Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1991.- 184 б.
95. Ҳофиз Шерозий. Ғазаллар. – Тошкент: Ўз ССР давлат бадиий адабиёт нашриёти, 1958.- 268 б.

96. Шагинян М. Гете. – М. – Л. : изд-во АН ССР, 1950- 191 с.
97. Шагинян М. Этюды с Низами. – Ереван: Изд-во АН АРМ ССР, 1955. С. 82-96.
98. Шейхзода М. И.В.Гёте. Ўзбекистон маданияти. 20.02.1957.
99. Шахиди М.З. Место и роль работ Э.Г. Брауна в изучении персидско-таджикской литературы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Душанбе, 1973.- 130 с.
100. Шомухаммедов Ш. Ҳофиз Шерозий. - Тошкент: Фан, 1965. - 91 б.
101. Эккерман И.П. Разговоры с Гете. – Спб., 1981. - 774 с.
102. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Перевод с немецкого Натали Ман.- М.: Худож.лит., 1981.- 688 с.
103. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Перевод с немецкого Натали Ман. Вступит. Н. Вильмонта. Комментарий и указатель А. Аникста.- М.: Худож.лит., 1986.
104. Якубов С.Б. К проблеме взаимовлияния и взаимообогащения литератур (На основе материалов литературных связей Узбекистан и ГДР 1960 - 1975 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.- Ташкент, 1980. - 141 с.
105. Қуръони Карим. Таржима ва изоҳлар муаллифи Алоуддин Мансур. - Тошкент: Чўлпон, 1992. - 672 б.
106. Bodenstedt F. Der Sänger von Schiras. Hafisische Lieder. Verdeutsch durch Friedrich Bodenstedt. Berlin; Hoffman comp. 1977. 211 s.
107. Broms H. Studies in the relations of Hafiz and the west. Helsinki, 1968. 105 p.
108. Burdach K. Zur Entstehungsgeschichte des West - östlichen Divans. Drei Akademievorträge. Herausgegeben von Ernst Grumach. Berlin: Akademie- Verlag. 1955. 103 s.
109. Bürgel J.Ch. Drei Hafis-Studien. Bern - Frankfurt/V.: Herbert und Peter Lang, 1975. 80 s.

110. Der Koran oder insgemein sogenannte Alcoran des Mohammeds...in das Englische übersetzt...von George Sale. ins Deutsche verdolmetscht von Theodor Arnold, Lempo, 1746. 4 p. 1. XXYIII, 232, 693/19/s

111. Diez H.F. Denkwürdigkeiten von Asien in Künsten und Wissenschaften, Sitten, Gebräuchen und Altertümern, Religion und Regierungsverfassung aus Handschriften und eigenen Ehrfarungen gesammelt. Erster Theil. Berlin: In Commission der Nicolaischen bochh., 1811-15.2 v. 19.

112. Diez H.F. Denkwürdigkeiten von Asien... In: K.Momsen. Goethe und Diez. Berlin, 1961. S. 30.

113. Fambach O. Goethe und seine Kritiker. Berlin: Akademie – Verlag, 1955. 460 s.

114. Fundgruben des Orients. Bearbeitet durch eine Gessellschaft von Liebhabern, Bd. 1 - 6, Wien. 1809 - 1818.

115. Goethe I. W. Poetische Werke. West-östlicher Divan. Berlin: Aufbau-Verlag, 1965. 783 s.

116. Goethes bild vom Orient. In: Der Orient in der Forschung. Ferschrift für Otto Spies zum 5. April 1966. Hrst.von W. Hoenerbach. Wiesbaden, 1967. pp 453 - 70.

117. Goethe I. W. West - östlicher Divan. Gesamtausgabe. Besorgt von H. J. Weitz. Leipzig: Insel - Verlaag, 1972. 263 s.

118. Goethe I.W. Gedichte. Moskau: Progress, 1980, 504 s.

119. Hamann J.G. Hirtenbriefe. Das Schuldrama betreffend. Kobenhaven: I kommission hos Einar Munksgaard. 1962. 70 s.

120. Hammer J. Geschichte der schönen Redekunste Persiens, mit einer Blütenlese aus zweihundert persischen Dichtern. Wien: Heubner und Wolfe, Buchhandler, 1818. 432 s.

121. Hermann B. W. Goethe und Orient. Weimar, 36 s.

122. Herder J.g. Sämtliche Werke. Bd. 1 - 24. Hrsg. Von B. Suphan. Berlin: 1977 - 1913. Bd. V, 562 s.

123. Jones W. Poeseas Asiaticae commentatim libri sex. London, 1774.

124. Krff. H.A. Die Liebesgidchte des West-östlichen Divans. Leipzig: S. Herzel – Verlag, 1951. 81 s.

125. Lentz W. Goethes Noten und Abhandlungen zum West-östlichen Divan. Hamburg: J.J. Augustin- Verlag, 1958, s. 3 - 45.

126. Mommsen M. Studien zum West-östlichen Divan. Berlin: Akademie –Verlag, 1962. 153 s.
127. Mommsen M. Goethe und Moallakat. Berlin: Akademie – Verlag, 1960. 81 s.
128. Mommsen M. Goethe und 1001 Nacht. Berlin: Akademie –Verlag, 1960. 331 s.
129. Mommsen M. Goethe und Diez. Berlin: Akademie – Verlag, 1961. 350 s.
130. Rückert F. Gesam.poet. Werke. Bd. V. Frankfurt am M.: 1868. 367 s.
131. Saadi M. Persianischer Rosenthal... von Adamo Olerio übersetzt. Schlesswig, 1654. 196 s.
132. Schaeder H.H. Goethes Erlebnis des Ostens. Leipzig: J.C. Hinsrich- Verlag, 1938. 182 s.
133. Solbrig H.J. Hammer- Purgstall und Goethe. Bern und Frankfurt/ M.: Herbert Lang - Verlag, 86 - 165.
134. Sultanowa M. Olmas bir Sima.- Gulistan, Taschkent, Qizil Ozbekistan naschrijati, 1935, N. 8 - 9, 27 - 29 b.
135. The Moalakat or seven Arabian Poems which were suspended on the temple of Mecca. With a translation and arguments. By William Jones. London, 1783.
136. Wurm Ch. Commentar zu Goethes West-östlichen Divan bestand in Materialien und Originalienn zum Verständnisse desselben herausgegeben von Ch. Wurm. Nurnberg^ Schrag, 1834. 282 s.

Салим Джаббаров

**ГЕТЕ и его
“Западно-восточный диван”**

(Монография)

Редактор: С. Хайитов
Тех.редактор: Х. Амирдинов
Корректор: З. Усманова

ISBN 978-9943-43_____

Подписано в печать _____.____.2015 г.
Формат бумаги 60x84 ^{1/16}. Бумага офсетная. Объем 7,6 п.л.
Отпечатано офсетным способом. Тираж 100 экз. Заказ № _____.

Отпечатано в типографии СамГИИЯ.
г. Самарканд, ул. Бустонсарой, д. 93.